

БРИДЖИТ ДЖОНС

НА ГРАНИ БЕЗУМИЯ

Роман – культурный феномен. Одна из лучших романтических комедий по версии BBC.

ХЕЛЕН ФИЛДИНГ

Бриджит Джонс

Хелен Филдинг

Бриджит Джонс: на грани безумия

«ЭКСМО»

1999

Филдинг Х.

Бриджит Джонс: на грани безумия / Х. Филдинг — «Эксмо»,
1999 — (Бриджит Джонс)

ISBN 978-5-699-70231-2

Каждая женщина – немного Бриджит, даже если она в этом не признаётся. Продолжение приключений непотопляемой оптимистки Бриджит Джонс – это роман, в героине которого многие женщины могут узнать себя, а многие мужчины почерпнут бесценные сведения о загадочной душе, хитростях и слабостях прекрасной половины человечества.

ISBN 978-5-699-70231-2

© Филдинг Х., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

1		6
	Понедельник, 27 января	6
2		18
	Вторник, 28 января	18
	Среда, 29 января	23
	Четверг, 30 января	28
	Пятница, 31 января: День икс	31
3		37
	Суббота, 1 февраля	37
	Воскресенье, 2 февраля	41
	Понедельник, 3 февраля	44
	Вторник, 4 февраля	45
	Среда, 5 февраля	48
	Четверг, 13 февраля	49
	Пятница, 14 февраля	50
	Суббота, 15 февраля	52
	Воскресенье, 16 февраля	55
	Понедельник, 17 февраля	56
	Вторник, 18 февраля	57
	Конец ознакомительного фрагмента.	59

Хелен Филдинг
Бриджит Джонс: на грани безумия

Посвящается всем Бриджит

Helen Filding

BRIDGET JONES: THE EDGE OF REASON

Copyright © Helen Filding, 1999

This edition is published by arrangement with Aitlen Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC.

© Зорина М., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

1

Жили долго и счастливо

Понедельник, 27 января

58,5 кг (одно сплошное жировое отложение), романы: 1 шт. (ура!), секс: 3р. (ура!), калории: 2100, за счет секса сожжено 600, так что в итоге 1500 (образцово-показательный результат).

7.15. Ура! Годы мрака и страданий позади! Уже четыре недели и пять дней я состою в здоровом союзе со зрелым представителем мужского пола, доказывая таким образом, что я вовсе не неудачница в любви, как раньше опасалась. Чувствую себя превосходно, просто великосветская новобрачная: какая-нибудь Джемайма Голдсмит, в шляпке с вуалью открывающая очередной центр для раковых больных (а все смотрят на нее и представляют в постели с Имраном Ханом)¹. О! Марк Дарси пошевелился. Может, сейчас проснется и поговорит со мной на какие-нибудь общественно значимые темы.

7.30. Марк Дарси не проснулся. Придумала: сейчас встану и приготовлю ему потрясающий завтрак: пожарю сосиски, яйца, грибы или приготовлю яйца по-бенедиктински, а может, по-флорентийски.

7.31. Только надо понять, что это такое, яйца по-бенедиктински и по-флорентийски.

7.32. Правда, ни грибов, ни сосисок в доме нет.

7.33. Да и яиц тоже.

7.34. Ну, если уж на то пошло, и молока нет.

7.35. Так и не проснулся. М-м-м-м. Какой он красивый. Мне нравится смотреть, как Он спит. Оч. сексуальные широкие плечи и волосатая грудь. Нет, конечно, я не воспринимаю его просто как сексуальный объект. Его ум меня куда больше привлекает. М-м-м-м.

7.37. Так и не проснулся. Шуметь нельзя, это понятно. Но, может, удастся незаметно пробудить Его, посылая мысленные сигналы?

7.40. Возьму-ка я... А-а-а-а!

7.50. Марк Дарси резко сел и завопил: «Бриджит, когда ты, черт возьми, прекратишь смотреть на меня, пока я сплю?! Поищи себе другое занятие!»

8.45. Кафе «Койнз», за чашкой капучино, в комплекте с шоколадным круассаном и сигаретой. Какое облегчение курить не таясь и не строить из себя паиньку. Не так-то просто, когда

¹ *Имран Хан* (род. в 1952 г.) – знаменитый пакистанский игрок в крикет и политический деятель. *Джемайма Голдсмит* (род. в 1974 г.) – героиня светских хроник Великобритании, получившая особую известность благодаря браку с Ханом, состоявшемуся в мае 1995 г.

у тебя в доме мужчина. В ванной не проторчать, сколько требуется, и газовую камеру из нее тоже не устроить: вдруг он на работу опаздывает, в туалет страшно хочет и т. п. К тому же Марк Дарси аккуратно складывает трусы перед сном, в связи с чем мне теперь как-то неловко просто сваливать свою одежду в кучу на пол. А сегодня он опять будет у меня, поэтому надо обязательно сходить в магазин до или после работы. Точнее, не то чтобы «надо». Ужасающая правда состоит в том, что я прямо-таки хочу это сделать. Откровенное проявление атавистических инстинктов, о котором ни в коем случае нельзя рассказывать Шерон.

8.50. М-м-м. Интересно, каким Марк Дарси мог бы стать отцом? (Отцом ребенку, конечно. Не мне. Такая мысль была бы нездоровой; что я, Эдип какой-нибудь?)

8.55. Так, не надо циклиться на одних и тех же мыслях и слишком много мечтать.

9.00. Интересно, Юна и Джеффри Олконбери позволят нам на приеме поставить свой шатер у них на лужайке?.. А-а-а-а!

Мама. Заваливается в мое кафе, будто так и надо. На ней плиссированная юбка и желто-зеленая куртка со сверкающими золотыми пуговицами. Точно инопланетянин явился в палату общин, побрызгал по сторонам слизью и спокойненько уселся в переднем ряду.

– Привет, доченька, – прощепетала она. – Я как раз шла в «Дебенхемс» и вспомнила, что ты тут всегда завтракаешь. Дай, думаю, загляну спросить, когда мы пойдем определять твой цветовой тип. Ох, кофейку хочется. Ты не знаешь, мне тут молоко подогреют?

– Мама, я же говорила, никакой тип я определять не собираюсь, – буркнула я, краснея, потому что все стали на нас глазеть. К столику подошла измотанная официантка.

– Ну что ты за упрямец, доченька. Пора заявить о себе! В твоих тусклых тряпках далеко не уедешь. Ах, добрый день! – Мама включила свой специальный голос для общения с обслуживающим персоналом (из серии «Я буду с вами чрезвычайно любезна и стану самым особенным из всех клиентов, хотя зачем это нужно – совершенно непонятно»). – Так-так-так. Посмотрим, что у нас тут есть. Пожалуй, я возьму кофе. Сегодня утром я выпила столько чаю со своим мужем Колином в Графтон-Андервуде, что на чай смотреть больше не могу. А молоко вы могли бы подогреть? Холодное молоко мне в кофе нельзя. У меня от него пищеварение расстраивается. А моя дочь Бриджит закажет...

Р-р-р. Почему родители так себя ведут? В чем дело? Просто пожилым людям не хватает внимания и они стараются его к себе привлечь? Или это с нами, жителями мегаполиса, не все ладно: мы чересчур озабочены своими делами и никому не доверяем, а потому не можем быть открыты и дружелюбны? Когда я только приехала в Лондон, то всем вокруг улыбалась, пока какой-то тип на эскалаторе не кончил мне сзади на пальто.

– Эспрессо?Americano? Латте? Капучино? С пониженным содержанием жира? Без кофеина? – затараторила официантка, сметая с ближайшего столика тарелки и с обвинением глядя на меня – будто это я виновата в поведении мамы.

– Один капучино без кофеина и один латте, – извиняющимся голосом тихо проговорила я.

– Какая неприветливая девушка, она что, говорить по-человечески не умеет? – возмущенно сказала мама ей в спину. – Странно тут жить, правда? Ну и ну, выбрали что надеть с утра!

Я проследила за ее взглядом и за соседним столиком увидела расфуфыренных девиц из золотых неформалов. Одна стучала по клавишам ноутбука: на ней были огромные ботинки, легкая юбка и растаманский берет, из-под которого во все стороны торчали волосы. Другая, в туфлях от «Прада», шерстяных носках, спортивных шортах, дубленке из ламы длиной до пола и бутанской шерстяной пастушьей шапке с наушниками, орала в мобильный телефон: «Ну а он

мне говорит, еще раз увижу, как ты эту дрянь куришь, выгоню вон из квартиры. А я ему: „Да шел бы ты, папаша!“» Ее шестилетний сын с жалким видом ковырялся в тарелке с картошкой.

– Эта девушка и сама с собой так же разговаривает? – задалась вопросом мама. – Странно тебе тут жить, наверное. Не лучше ли среди нормальных людей находиться?

– Да нормальные тут люди! – озлобленно сказала я и в подтверждение своих слов кивнула на улицу, где в этот момент, к несчастью, проходила монашка в коричневом облачении, толкавшая перед собой коляску с двумя детьми.

– Видишь, вот почему у тебя все вкривь да вкось идет.

– Ничего у меня не вкривь и не вкось.

– Кого ты пытаешься обмануть?! – воскликнула она. – Ладно. Как у вас с Марком?

– Прекрасно, – мечтательно улыбнувшись, ответила я, и тут она на меня пристально поглядела.

– Ты ведь не собираешься с ним... сама понимаешь что... Он ведь тогда на тебе не женится.

Р-р-р. Р-р-р-р. Только я начинаю встречаться с мужчиной, с которым она сама же меня усиленно сводила полтора года («сын Малькольма и Элейн, доченька, разведен, очень одинок и ужасно богат»), и вот уже чувствую себя участником военных учений, который преодолевает препятствия, карабкается на стены и лазает по веревочным лестницам, чтобы добыть для мамы большой серебряный кубок со свадебной символикой.

– Ты же знаешь, что они потом говорят, – продолжала она. – «Она слишком доступная». Когда Мерл Робертшоу стала встречаться с Персивалем, мама сразу ей сказала: «Смотри, пусть он эту штуку достает, только чтобы пописать».

– Мама! – возмутилась я.

Это было уже слишком. Полугодом не прошло с тех пор, как она вовсю крутила любовь с португальским каторжником в элегантном костюме.

– Ой, кстати, я тебе говорила? – прервала она меня, с легкостью переходя на другую тему. – Мы с Юной едем в Кению.

– Что?! – возопила я.

– Мы едем в Кению! Только представь, доченька! В самую настоящую Африку!

В голове у меня все завертелось и пошел поиск возможных объяснений услышанному. Будто в игровом автомате, где крутятся изображения фруктов, а потом останавливаются, выдавая результат. Мама решила стать миссионером? Мама пересмотрела на видео фильм «Из Африки»²? Мама решила вступить в ряды организации по защите животных и заняться разведением львов?

– Да-да, доченька. Мы хотим поехать на сафари и познакомиться с племенем масаи, а потом пожить в отеле на море.

Игровой автомат с лязганьем остановился и выдал отвратительный образ: пожилые немки занимаются на пляже сексом с молодыми африканцами. Я не моргая уставилась на маму.

– Надеюсь, ты не собираешься опять пускаться во все тяжкие? – спросила я. – Папа только-только пришел в себя после истории с Жулиу.

– Право слово, доченька! Не понимаю, из-за чего было устраивать такой ажиотаж! Жулиу был просто моим другом – другом по переписке! Всем нужны приятели, доченька. Даже если у тебя все великолепно в браке, общения с супругом недостаточно! Надо иметь друзей всех возрастов, рас, вероисповеданий и из разных племен. Нужно расширять свое сознание...

– Когда вы летите?

– Ах, не знаю, доченька. Пока это просто идея. Ну, мне пора бежать. Чао!

Мать твою. Четверть десятого. Опоздаю на планерку.

² Картина американского режиссера Сидни Поллака, действие которой происходит в колониальной Кении.

11.00. На работе. Крупно повезло: опоздала на планерку всего на две минуты, к тому же скомкала куртку, так что получилось, будто я в офисе уже давным-давно и задержалась по срочному и сугубо рабочему делу в другом отделе компании. С уверенным видом прошла через огромную комнату, заваленную характерными для низкопробных дневных телепередач предметами: тут надувная овца с дыркой в заднице, там огромное фото Клаудии Шиффер с головой Мадлен Олбрайт, здесь большой плакат с надписью «ЛЕСБИЯНКИ! Прочь! Прочь! Прочь!», – и приблизилась к столу, сидя за которым Ричард Финч в темных очках, с баками и в ужасающем костюме «сафари» стиля семидесятых, плотно облегающем его дородное тело, орал на своих двадцатилетних подчиненных.

– Давай, Бриджит, растяпа ты наша пунктуальная! – прокричал он, заметив меня. – Я тебе плачу не за то, чтобы ты куртки комкала и делала невинную рожу. Я тебе плачу за то, чтобы ты являлась вовремя и идеи выдавала.

Слов нет. Выдерживать такие издевательства изо дня в день – выше сил человеческих.

– Так, Бриджит! – проревел он. – Берем «новых лейбористов». Женщин. Имидж и задачи. В студии берем Барбару Фоллетт, пусть она мне переделает Маргарет Беккетт. Мелирование. Маленькое черное платье. Чулки. Хочу, чтобы Маргарет превратилась в ходячий секс.

Иногда кажется, что бредовость заданий, которые дает мне Ричард Финч, пределов не имеет. Однажды мне придется упрашивать королевского егеря, чтобы он побегал голым по охотничьим угодьям, преследуемый стаей разъяренных лисиц. Нужно найти более достойную и приносящую удовлетворение работу. Может, в медсестры податься?

11.03. За рабочим столом. Так, позвоню в прессслужбу Лейбористской партии. М-м-м. В голове постоянно всплывают сцены вчерашнего секса. Надеюсь, я не слишком довела сегодня утром Марка Дарси. Стоит ли позвонить ему на работу или еще слишком рано?

11.05. Да. Недаром в книге «Как найти свою любовь» (или это в другой – «Как сохранить обретенную любовь»?..) говорится, что гармония между мужчиной и женщиной – штука непростая. Мужчина – охотник, он должен преследовать. Подожду, пусть он сам мне позвонит. А пока лучше просмотрю газеты, поднаберусь информации о политике новых лейбористов, вдруг и правда удастся заполучить Маргарет Беккетт на... А-а-а-а!

11.15. Снова вопли Ричарда Финча. С женщин-лейбористок меня переводят на репортаж про лисью охоту, у меня будет прямое включение из Лестершира. Только не надо волноваться. Я уверенная в себе, состоявшаяся женщина, умеющая справляться с трудностями. Чувство самоуважения рождается у меня изнутри и не зависит от внешних обстоятельств. Я уверенная в себе, состоявшаяся... О господи. Какой же там дождь льет. Не хочу выходить на улицу. Словно прыгать в бассейн и холодильник одновременно.

11.17. Вообще-то, оч. хор., что мне дают интервью. Это большая ответственность. Ну, относительно большая, конечно. Не то что принимать решение о бомбардировках Ирака или проводить операцию по пересадке сердца. Но задать лисоубийце жару перед камерой – тоже неплохо. Чем я хуже Джереми Паксмана³, берущего интервью у посла Ирана (или Ирака)?

11.20. Может, меня даже попросят сделать пробный репортаж для «Событий дня».

³ Джереми Паксман – британский журналист и телеведущий, известный жесткой и агрессивной манерой ведения интервью.

11.21. Или серию коротких спецрепортажей. Ура! Так, надо найти нужные материалы... Ой. Телефон.

11.30. Сначала решила трубку не брать, но потом подумала: а вдруг это мой интервьюируемый, сэр Хьюго Бойнтон-Лисокиллер, хочет мне объяснить, как к нему добираться (мимо силосной ямы, свиарник будет по левую руку и т. п.). Это оказалась Магда.

– Бриджит, привет! Я звоню сказать... В горшок! В горшок! В горшок дуй!

Послышался громкий шум, звук воды из ванной и страшный крик, сопровождающийся словами: «Сейчас я тебя отшлепаю, сейчас отшлепаю!»

– Магда! – прокричала я. – Я тут!

– Извини, дорогая, – проговорила она, вернувшись. – Я просто хотела сказать... Держи пипку над горшком, над горшком! Не будешь держать – все польется на пол!

– Я вся в работе, – умоляющим тоном произнесла я. – Мне через две минуты надо в Лестершир выезжать...

– Отлично, молодец, сыпь мне соль на рану! Ты вся такая занятая и значительная, а я торчу дома с двумя существами, которые и говорить-то по-человечески еще не научились. В общем, я просто хотела сказать, что договорилась со своим мастером: он придет к тебе завтра делать полки. Прости, что влезла к тебе со своей домохозяйской скукотищей. Его зовут Гари Уилшоу. Пока.

Перезвонить ей я не успела, потому что телефон снова заголосил. Это оказалась Джуд, которая еле могла говорить от рыданий.

– Успокойся, Джуд, успокойся, – повторяла я, прижимая трубку подбородком и пытаюсь запахнуть в сумку газетные вырезки.

– Это опя-а-а... Ричард...

О боже. Под Новый год нам с Шерон удалось наконец довести до сознания Джуд, что если она еще хотя бы раз позволит себе поговорить с Поганцем Ричардом о зыбучих песках его психологических проблем, то ее придется класть в дурдом и не будет у них тогда никаких отпусков, походов к психологам и вообще никакого будущего, пока через много-много лет ее не выпустят и не позволят наблюдаться амбулаторно.

У Джуд произошел мощный прилив любви к себе, она бросила Ричарда, сделала стрижку и стала ходить на свою уважаемую работу в Сити в джинсах и кожаных жакетах. В связи с чем все ее коллеги мужского пола, раньше лишь празднично задававшиеся вопросом, что же там у Джуд под строгим костюмом, испытали мощный прилив тестостерона, и теперь каждый вечер она болтает по телефону с новым поклонником. Однако Поганцу Ричарду все равно каким-то образом удалось ее опечалить.

– Я разбирала вещи, которые он оставил, все хотела повыбрасывать, и тут нахожу книгу... которая называется... называется...

– Успокойся, успокойся. Как называется?

– «Как заводить романы с девушками помоложе. Руководство для мужчин старше тридцати пяти».

Господи Иисусе.

– Мне так плохо, так плохо... – продолжала она, – я больше не могу ни с кем встречаться... блуждать в темном лесу... останусь одинокой на всю жизнь...

Передо мной встала сложная задача: не оставить подругу без утешения и в то же время не слишком катастрофически опоздать в Лестершир. В итоге я прибегла к простейшим подручным средствам: «Может, он ее специально оставил», «Кто-кто, а ты-то одинокой точно не будешь» и т. п.

– Спасибо тебе, Бридж, – поблагодарила Джуд, похоже немного успокоившись. – Сегодня вечером увидимся?

– Э-э... ко мне, вообще-то, Марк приходит.

Повисло молчание.

– Что ж. – В ее голосе почувствовался холодок. – Ладно. Раз так, желаю хорошо провести время.

О боже, теперь, когда у меня появился мужчина, я чувствую вину перед Джуд и Шерон, точно я подлый партизан-перебежчик. Договорилась встретиться с Джуд завтра, в компании Шерон, а сегодня просто поговорить обо всем еще раз по телефону. Кажется, это ее устроило. Так, теперь надо быстренько звякнуть Магде и убедить ее, что вовсе она не скучная, а работу мою уж какой-какой, а значительной точно не назовешь.

– Спасибо тебе, Бридж, – сказала Магда, когда мы немного поболтали. – Просто мне так уныло и одиноко после родов. Джереми завтра вечером опять работает. Ты не хочешь в гости зайти?

– Э-э... я, вообще-то, встречаюсь с Джуд в «192».

Наступила напряженная тишина.

– А я, видимо, слишком нудная и «остепенившаяся», чтобы к вам присоединиться?

– Нет, конечно нет, приходи тоже. Здорово будет, если ты придешь!!! – воскликнула я, откровенно переигрывая.

Понятное дело, Джуд разозлится, потому что разговор уже не будет полностью посвящен Поганцу Ричарду. Ладно, над этим я подумаю позже. Теперь я уже точно опоздала и еду в Лестершир, не прочтя ни единого материала про охоту на лис. Может, почитаю в машине, пока буду стоять на светофорах. Стоит ли позвонить Марку Дарси, рассказать, куда я еду?

Хм-м-м. Нет. Неверный будет ход. А что, если я опоздаю? Лучше позвонить.

11.35. Хм. Разговор прошел так.

Марк: Да? Дарси слушает.

Я: Это Бриджит.

Марк (*после паузы*): Понятно. Э-э. Все в порядке?

Я: Да. Вчера ночью было здорово, правда? Ну ты понимаешь, когда мы...

Марк: Конечно, понимаю. Просто великолепно. (*Пауза.*) У меня в данный момент встреча с индонезийским послом, главой Международной амнистии и заместителем министра торговли и промышленности.

Я: Ой. Прости. Просто я еду в Лестершир. Решила тебе сообщить, а то вдруг что случится.

Марк: Случится... Что?

Я: Ну, вдруг я... опоздаю. (*Вышло не очень-то убедительно*)

Марк: Понятно. Может, позвонишь, когда закончишь? Отлично. Ну пока.

Хм-м-м. Думаю, я все-таки неправильно поступила. В книге «Отношения с разведенным мужчиной: люби, но не теряй головы» четко сказано, что особенно мужчинам не нравится, когда им звонят без стоящей причины, а они при этом очень заняты.

19.00. Дома. Кошмарный день. Сражаясь с пробками и дождем, добралась до промокшего насквозь Лестершира. Когда я постучала в дверь большого дома, вокруг которого были понаставлены фургоны для лошадей, до эфира оставалось всего полчаса. Дверь резко отворилась, и передо мной предстал высокий мужчина в вельветовых брюках и мешковатом свитере, выглядевшем на нем очень сексуально.

– Хм. – Он оглядел меня с головы до ног. – Давайте уж, черт возьми, входите. Ваши ребята на заднем дворе. Где вас носило?

– Меня сюда только что направили, я должна была делать репортаж о политических событиях, – задрав нос ответила я.

Он провел меня в большую кухню, битком набитую собаками и заваленную седлами. И вдруг он обернулся, в ярости уставился на меня, а потом с силой ударил кулаком по столу:

– У нас вроде бы свободная страна. И тут нам начинают рассказывать, что по воскресеньям, видите ли, охотиться нельзя. Если так дальше пойдет, то чем, черт возьми, это все кончится? А?

– Ну, с таким же успехом можно и рабовладение защищать, – глухо пробурчала я. – Или отстаивать право отрезать кошкам уши. Мне кажется не очень-то благородным, когда куча народу с собаками потехи ради гоняется за испуганным зверьком.

– Да вы, черт возьми, видели, как лисица разделяется с курицей? – пророкотал сэра Хьюго, побагровев. – Если на лис не охотиться, они тут все заполонят.

– Ну тогда отстреливайте их, – парировала я, смерив его ледяным взглядом. – Это гуманнее. А по воскресеньям охотьтесь как-нибудь по-другому. Привяжите на веревочку пушистую игрушку с запахом лисицы.

– Отстреливать? Да вы когда-нибудь пробовали пристрелить лису? Да повсюду будут валяться ваши испуганные лисички – израненные, кровью истекать. Пушистую игрушку! Слов нет. – Тут он схватился за телефон и стал набирать номер. – Финч! Козел старый! – проорал он. – Кого ты мне прислал? Что за девица левых взглядов? Не надейся, что в следующее воскресенье ты поедешь со мной охотиться.

В эту секунду в дверь просунулась голова оператора. Он с раздражением произнес:

– А, явилась не запылилась! – И посмотрел на часы. – А нам сообщить считаешь обязательным?

– Финч хочет с вами поговорить, – прошипел сэра Хьюго.

Через двадцать минут, получив предупреждение об увольнении, я сидела верхом на лошади, готовая бодрой рысью въехать в кадр и взять интервью у сэра Подлюго, тоже сидевшего верхом.

– Так, Бриджит, переключаемся на тебя через пятнадцать секунд, пошла! – заголосил Ричард Финч у меня в ухе.

Я сжала коленями бока лошади – как мне было велено. Но лошадь, к несчастью, не двинулась с места.

– Пошла, пошла, пошла! – вопил Ричард. – Ты, кажется, говорила, что умеешь верхом ездить!

– Я говорила, что у меня хорошая посадка, – сквозь зубы прорычала я, изо всех сил вонзая колени в тело лошади.

– Так, Лестершир, крупный план сэра Хьюго, пока Бриджит, мать ее, не тронется. Пять, четыре, три, два... пошли!

Сэр Красная Морда зарядил пламенную речь во славу охоты, а я продолжала давить лошадь коленями. Тут она встала на дыбы и легким галопом въехала в кадр. Я вцепилась ей в шею.

– Да что с тобой будешь делать, мать твою! Скажи пару слов и заканчиваем!

– Что ж, это все, о чем мы успели вам рассказать. А теперь вернемся в студию! – звонко произнесла я; лошадь тем временем развернулась и задом пошла на оператора.

Когда похохатывающая съемочная группа уехала, я – вся помертвевшая – пошла в дом за своими вещами и сразу наткнулась на сэра Громило.

– Ха! – воскликнул он. – Научил тебя жеребец, что к чему? Ну как, по кровавой?

– Что? – спросила я.

– По «Кровавой Мэри»?

Поборов инстинктивное желание присосаться к бокалу с водкой, я гордо вытянулась во весь рост.

– Вы хотите сказать, что намеренно испортили мне репортаж?

– Может, и да, – ухмыльнулся он.

– Это просто бесчестно! – Меня раздирало от возмущения. – И недостойно представителя аристократии.

– Ага! Характер. Мне нравится это в женщине, – хрипло проговорил он и двинулся на меня.

– Не троньте меня! – воскликнула я, уворачиваясь от него.

Слов нет. Что ему в голову полезло? Я профессионал и приехала не для того, чтобы ко мне клеились. Однако это еще раз доказывает, что более всего мужчин притягивает полная в них незаинтересованность. Надо запомнить – пригодится в более подходящей ситуации.

И вот наконец я вернулась домой, намотав несколько километров в супермаркете и притащив оттуда десять сумок с едой. Ужасно устала. Хм. Почему в магазин все время хожу я? И карьерой занимаюсь, и хозяйство веду. Точно живу в семнадцатом... О. Автоответчик мигает.

– Бриджит, – голос Ричарда Финча, – ты приходишь завтра в девять ко мне в кабинет. До планерки. В девять утра. Не вечера, а утра. Это когда светло. Не знаю, как еще объяснить. Будь добра, явись вовремя, черт возьми.

Похоже, он очень рассержен. Надеюсь, меня не ожидает печальная перспектива остаться без достойной квартиры, достойной работы и достойного мужчины. Ну ничего, я Финчу расскажу, что значит журналистская честь. Так. Надо начинать готовиться к приходу Марка Дарси. Как я устала.

20.30. Удалось взбодриться при помощи шардоне. Упрятила подальше весь хлам, разогла камин, поставила свечи, приняла ванну, помыла голову, сделала макияж и надела оч. сексуальные черные джинсы с маечкой. Не особенно-то удобно, джинсы жмут, да и бретельки врезаются в тело, но зато выгляжу хорошо, а это самое главное. Ибо, как говорит Джерри Холл⁴, женщина должна быть шеф-поваром на кухне и гетерой в гостиной. Или в какой-то другой комнате, неважно.

20.35. Ура! Проведем чудный, романтический вечер, поедим пасты – еда легкая, но питательная – и посидим у камина. Я великолепно сочетаю в себе деловую женщину и подругу жизни.

20.40. Куда он, черт подери, запропастился?

20.45. Р-р-р. На фига я носилась как ошпаренная и готовилась к этому вечеру, если он считает, что может приходить когда угодно?

20.50. Ну Марк Дарси, будь он неладен. Я уже просто... Звонок. Ура!

В костюме, ворот рубашки расстегнут – выглядит потрясающе. Войдя, он бросил на пол портфель, обвил меня руками и закружил в шутовском нежном танце.

– Как я рад тебя видеть, – прошептал он, зарываясь мне в волосы. – Репортаж мне страшно понравился. Непревзойденное мастерство джигитовки.

– Прекрати, – сказала я, отстраняясь, – кошмар кошмаров.

– Просто блестяще, – уверенно произнес он. – Один репортаж – и искусство верховой езды, правила которого веками казались незыблемыми, выходит на совершенно новый уровень. И кто это сделал? Маленькая женщина. Она навеки изменила лицо – или зад – британского наездничества. Это прорыв. Триумф. – Он устало опустил на диван. – Я просто без сил.

⁴ Джерри Холл – американская топ-модель и актриса.

Чертовы индонезийцы. Считают, что сделают огромный шаг вперед в защите прав человека, если, стреляя кому-то в затылок, не забудут сообщить, что он арестован.

Я налила в бокал шардоне и подала его жестом подруги Джеймса Бонда, добавив с умиротворяющей улыбкой:

– Ужин сейчас будет.

– О господи. – Вид у него стал испуганный, будто он решил, что в микроволновке прячутся индонезийские расстрельщики. – Ты что, готовила?

– Да, – возмущенно ответила я.

Он что, даже не рад??? К тому же до сих пор ничего не сказал про мой гетерский наряд.

– Иди ко мне. – Он похлопал рукой по дивану. – Я шучу. Всегда хотел иметь в подругах Марту Стюарт⁵.

Приятно было сидеть обнявшись, но, вот незадача, паста готовилась уже шесть минут и была опасность, что она разварится.

– Пойду выключу огонь.

Я высвободилась из его объятий. И тут зазвонил телефон. Ринулась к нему на полных парах, по привычке решив, что звонит Марк.

– Привет, это Шерон. Как дела с Марком?

– Он здесь, – прошептала я сжав зубы и не раскрывая рта, чтобы Марк не мог прочесть по губам.

– Что?

– Нн зд, – произнесла я тем же манером.

– Все в порядке, – сказал Марк, ободряюще мне кивнув. – Я знаю, что я здесь. Мне кажется, нам с тобой необязательно скрывать друг от друга это обстоятельство.

– Ладно, слушай, – оживленно заговорила Шерон. – «Конечно, нельзя утверждать, что все мужчины изменяют. Но все мужчины думают об этом. Желание изменить сдает мужчину постоянно. Мы, женщины, стараемся сдерживать свои сексуальные порывы...»

– Вообще-то, Шерон, я тут пасту готовлю...

– А-а-а, «пасту готовлю». Уж не превращаешься ли ты в «полуостепенившуюся»? Послушай лучше, что я тебе хочу прочесть, и у тебя появится желание вылить кипяток ему на голову...

– Секунду, – остановила я ее, нервно глянув на Марка.

Я сняла кастрюлю с огня и вернулась к телефону.

– Так вот, – возбужденно продолжала Шерон. – «Иногда инстинкты берут верх над сознанием. Если у мужчины отношения с женщиной с большой грудью, он станет смотреть на женщину с маленькой грудью, познакомится с ней и переспит. Вам кажется, разнообразие не есть главное в жизни? Поверьте, ваш мужчина считает иначе».

Марк начал постукивать пальцами по подлокотнику.

– Шерон...

– Погоди... погоди... Это все из книги «Чего хотят мужчины». Так... «Если у вас есть красивая сестра или подруга, вы можете быть абсолютно уверены, что ваш мужчина **МЫСЛЕННО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕБЕ СЕКС С НЕЙ**».

Она выжидательно замолкла. Марк стал жестами показывать, будто перерезает себе горло и дергает за цепочку унитаза.

– Только подумай, какой кошмар! Да они просто...

– Шерон, можно я тебе перезвоню?

Шерон стала обвинять меня в том, что я полностью подчиняю себя мужчинам, тогда как должна стоять на феминистских позициях. Тогда я задала ей вопрос, к чему, раз она совсем

⁵ *Марта Стюарт* – знаменитая американская телеведущая и автор многих книг о ведении домашнего хозяйства.

не интересуется мужчинами, ей читать книгу под названием «Чего хотят мужчины». Разговор уже совсем было превратился в никак не достойный феминисток скандал по поводу мужчин, но тут мы поняли, каким бредом занимаемся, и договорились встретиться завтра.

– Ну вот! – радостно произнесла я, садясь рядом с Марком на диван. К сожалению, тут же пришлось встать, так как оказалось, что я на что-то села (а именно на корбочку из-под йогурта).

– Да-да?

Он вытер с моей попы йогурт. Навряд ли я так уж сильно запачкалась и требовалось столь долго тереть, но мне было очень приятно. М-м-м.

– Садимся ужинать? – спросила я, стараясь думать о приоритетной на данный момент задаче.

Только я выложила пасту и залила ее соусом, как телефон зазвонил снова. Решила трубку не брать, но щелкнул автоответчик и послышался несчастный голос Джуд:

– Бридж, ты дома? Возьми трубку, возьми трубку. Пожа-а-а-луйста, Бридж!

Я подошла к телефону, а Марк в отчаянии схватился за голову. Джуд и Шерон так много делали для меня в течение многих лет – когда я и знакома-то еще не была с Марком, – нехорошо было бы сейчас не ответить.

– Я слушаю, Джуд.

Как выяснилось, она ходила сегодня в спортзал и там прочитала какую-то статью, в которой одиноких женщин за тридцать называют «отработанным материалом».

– Этот парень пишет, что девушки, не хотевшие с ним встречаться, когда им было двадцать, сейчас одна за другой кидались бы ему на шею, но только ему они уже не нужны, – с тоской говорила Джуд. – Он утверждает, что все они одержимы мыслью о браке и детях, и потому его лозунг в отношении с женщинами: «Старше двадцати пяти – ни-ни».

– Ой, подумать только! – весело рассмеялась я, стараясь подавить холодок тревоги, которой ощутила у себя в животе. – Что за чушь! Никто не считает тебя «отработанным материалом». Вспомни, сколько мужчин тебе названивает в последнее время. Как у тебя со Стейси? Как с Джонни?

– Ох, – выдохнула Джуд, однако по голосу было слышно, что чувствует она себя уже лучше. – Вчера я встречалась с Джонни и его приятелями по банку. Один из них рассказал анекдот про вегетарианца, который съел кролика за то, что тот сожрал его капусту. А Джонни такой простодушный. Он на это говорит: «А что – я тоже люблю крольчатинку».

Джуд засмеялась. Кризис явно миновал. Ничего страшного с ней нет, просто иногда случаются приступы паранойи. Мы поговорили еще чуть-чуть, и, убедившись, что уверенность в себе к ней полностью вернулась, я закончила беседу и подседа за стол к Марку. И в следующую секунду обнаружила, что паста совсем не так хороша, как ожидалось, и представляет собой какую-то белесую кашу.

– Вполне неплохо, – ободряюще произнес Марк. – Люблю такое: жидкое, молочное, м-м-м...

– Может, лучше закажем пиццу? – предложила я, чувствуя себя полной неудачницей и «отработанным материалом».

Мы ели пиццу, сидя у камина. Марк рассказывал про индонезийцев. Я внимательно его слушала, живо реагировала и давала советы. Он посчитал их весьма интересными и «свежими». Я, в свою очередь, рассказала о предстоящей жуткой встрече с Финчем, после которой он меня, скорее всего, уволит. Марк дал мне очень хороший совет: как следует продумать, что предложить Финчу с моей стороны, тогда тот предпримет совсем другие шаги. Я сказала ему, что он потрясающе умеет находить беспрюиришные решения – именно об этом написано в книге «Семь навыков преуспевающего человека», – и тут опять зазвонил телефон.

– Не бери трубку, – сказал Марк.

– Бриджит. Это Джуд. Подойди к телефону. Я все испортила. Позвонила Стейси, а он мне не перезванивает.

Я взяла трубку.

– Может, его дома нет.

– Или у него не все дома, как у тебя, Джуд, – громко произнес Марк.

– Прекрати, – шикнула на него я, а Джуд тем временем начала подробный разбор возможных причин произошедшего.

– Слушай, – сказала ей я, – он наверняка позвонит завтра. А если не позвонит, вспомни про «Марс и Венеру», стадии развития взаимоотношений, отступи на шаг. Он марсианский мячик на резинке, отпрыгнул от тебя, ты спокойно даешь ему ощутить свою притягательность, и он прыгает обратно.

Когда я закончила разговор, Марк уже смотрел футбол.

– Беспроигрышные мячики, прыгающие марсиане. Просто галиматья какая-то, а ты тут, как на командном пункте, руководишь движением ее потоков.

– Ты что, не обсуждаешь со своими друзьями личные переживания?

– Нет, конечно, – сказал он, переключаясь с одного футбольного матча на другой.

Я обалдела уставилась на него.

– Ты хочешь заняться сексом с Шерон?

– Прости, что?

– Ты хочешь заняться сексом с Шерон и Джуд?

– Да я бы с радостью! Ты имеешь в виду с каждой по отдельности? Или сразу с обеими?

Решив не обращать внимания на его иронический тон, я продолжила допрос.

– Когда после Рождества ты виделся с Шерон, тебе хотелось с ней переспать?

– Ну как тебе сказать. Я, видишь ли, спал тогда с тобой.

– Но тебе в голову это приходило?

– В голову, конечно, приходило.

– Что-о? – взорвалась я.

– Она очень симпатичная девушка. Странно было бы, если бы не пришло, разве нет? – игриво усмехнулся он.

– А с Джуд? – Я вспыхнула от возмущения. – С Джуд переспать? Тоже «в голову приходило»?

– Ну, наверно, иногда проскальзывала такая мысль. Это же естественно, ты так не считаешь?

– Естественно? Я вот никогда не думала о том, чтобы переспать с твоими коллегами Джайлзом и Найджелом!

– Да, – пробормотал он, – подозреваю, что и никто другой об этом тоже никогда не думал. Как ни печально. Разве что Джозу из канцелярии приходила эта идея.

Только мы убрали посуду и стали целоваться лежа на ковре, как снова зазвонил телефон.

– Пусть звонит, – простонал Марк. – Заклинаю тебя именем Бога, всех его херувимов, серафимов, архангелов, святых и брадобреев – не бери трубку!

Но автоответчик уже заработал. Марк рухнул головой на пол, и тут послышался мужской голос.

– Добрый вечер, извините, это Джайлз Бенвик, друг Марка. Он случайно не у вас? Дело в том, что... – Вдруг голос у него сорвался. – Моя жена только что сказала мне, что хочет со мной разойтись, и...

– О боже, – воскликнул Марк и схватил трубку. На лице его застыло выражение ужаса. – Джайлз, господи! Спокойно, только спокойно, м-м... а-а... э-э-э... Джайлз, пожалуй, я лучше передам трубку Бриджит.

М-м-м. Хотя мы с Джайлзом друг друга почти не знаем, мне кажется, рекомендации я ему дала правильные. Сумела его успокоить и посоветовала почитать парутройку полезных книг. Затем у нас с Марком был чудный секс. Оч. уютно было потом лежать у него на груди – все тревожные мысли отошли куда-то далеко.

– Я отработанный материал? – сонно спросила я, когда он наклонился надо мной, чтобы задуть свечу.

– Матерьяльчик ты что надо, – ответил он, похлопав меня по попе.

2

Ну и медузица!

Вторник, 28 января

58 кг, кол-во сигарет, выкуренных в присутствии Марка: 0 (оч. хор.), кол-во сигарет, выкуренных тайно: 7, кол-во невыкуренных сигарет: 47 (оч. хор.).*

** Чуть не выкурила, но вовремя вспомнила, что курить бросила, поэтому именно эти сорок семь остались невыкуренными. Т. е. я не имею в виду общее кол-во сигарет в мире, оставшихся невыкуренными (такое было бы бредовое число, что на странице бы не поместилось).*

8.00. Дома. Марк ушел к себе переодеться и собраться на работу, так что могу чуть-чуть покурить и набраться внутренних сил и уверенности, чтобы явиться на ужасную встречу с Финчем во всеоружии и с настроем на победу. Итак, моя цель – уравновешенность и спокойствие, а также... А-а-а-а! Звонок в дверь.

8.30. Оказалось, пришел посланный Магдой мастер, Гари. Проклятье, проклятье, проклятье! Совершенно забыла, что он должен прийти.

– А-а, здравствуйте, как хорошо, что вы пришли! Вы не могли бы десять минут погулять, а потом вернуться? Я тут кое-что не успела закончить, – протрещала я вся скрючившись, дабы скрыть тот факт, что, кроме ночной рубашки, на мне ничего нет.

Господи, и что же такое я могла не успеть закончить? Заниматься сексом? Взбивать яйца? Изготавливать на гончарном круге горшок, который ни в коем случае нельзя бросить, а то застынет не в той форме?

Когда снова раздался звонок в дверь, волосы у меня были еще мокрые, но зато хоть я была одета. Почувствовала угрызения совести, когда Гари глянул на меня и хмыкнул, намекая на праздность среднего класса, валяющегося в кровати, когда весь рабочий мир вовсю горбатится уже несколько часов и скоро будет обедать.

– Не хотите ли чашечку чая или кофе? – любезно осведомилась я.

– Ага. Чаю. Положите четыре куска сахара, но не размешивайте.

Я внимательно посмотрела на него, мысленно задавая вопрос: он что, шутит или это какой-то особый прием, вроде как курить сигареты не затягиваясь?

– Хорошо, – поспешила согласиться я, – хорошо. – И стала готовить ему чай, а Гари тем временем уселся за кухонный стол и закурил.

Когда чай заварился и я пошла его наливать, выяснилось, что ни молока, ни сахара у меня не имеется.

Он с недоверием посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на ряды пустых бутылок из-под вина.

– Ни молока, ни сахара?

– Молоко... э-э... только что кончилось, а с сахаром у меня никто из знакомых чай не пьет... хотя, конечно, это замечательно... э-э... пить... с сахаром, – заблелась я. – Давайте я выскочу в магазин.

Возвращаясь, я думала, что он уже приступил к работе или хотя бы вытащил из машины свои инструменты, однако он по-прежнему сидел на том же месте и, когда я вошла, затянул долгие и путаные рассказы про ловлю карпов где-то в Хендоне. Ощущение было такое, словно мы на деловой встрече, но для создания непринужденной атмосферы говорим на какую-то посто-

роннюю тему, а беседа заходит настолько далеко, что уже как-то неловко разрушать иллюзию, будто мы просто болтаем о том о сем и никаких серьезных вопросов обсуждать не требуется.

Наконец мне удалось прервать очередную невразумительную байку из рыбацкой жизни и вставить: «Ну что, я покажу вам, какую работу нужно сделать?» – и тут я сразу ощутила, насколько грубо и неправильно себя повела, показав, что совершенно не интересуюсь Гари как человеком и отношусь к нему только как к рабочему. Чтобы исправить содеянное, пришлось выслушивать историю с самого начала.

9.15. На работе. Ворвалась в офис, в истерике от того, что опоздала на пять минут, и обнаружила, что проклятого Ричарда Финча нет как нет. Вообще-то это хорошо, потому что появилось время еще раз продумать свою защиту. Странно, на работе вообще никого нет! Значит, каждый день, когда я как шальная мчусь сюда, переживая, что опять опаздываю, и думая, что все уже давно сидят на своих местах и просматривают газеты, они тоже опаздывают, – просто не настолько сильно, насколько я.

Так, сяду напишу основные тезисы для разговора с Финчем. Все тщательно продумаю, послушаюсь Марка.

«Ричард, вы пытались дискредитировать меня как журналиста...»

«Вы знаете, Ричард, как серьезно я отношусь к своей работе на телевидении...»

«Да шел бы ты в задницу, жирный...»

Нет, нет. Марк говорит, нужно думать о том, как совместить мои интересы с интересами Финча, – вот он, беспроязвительный подход, описанный в «Семи навыках преуспевающего человека». А-а-а-а!

11.15. В кабинет вломился Ричард Финч в мятом малиновом костюме с голубой подкладкой. Он изображал, будто скачет на лошади, задницей ко мне.

– Бриджит! Привет! Ты дерьмо полное, но тебе повезло! Начальству понравилось. Понравилось. Понравилось. Нам сделали предложение. Берем панельный костюмчик, берем шоу «Гладиаторы», берем кандидата на выборы в парламент. Берем кучу известных телеведущих.

– Что? – непонимающе спросила я.

Оказалось, для меня придумали особый проект: каждую неделю я буду пробовать новую профессию, напяливать соответствующий костюм и выставлять себя полной неумехой. Какое унижение! Естественно, я не преминула заметить, что, будучи журналистом-профессионалом, серьезно подхожу к своему делу и не стану так себя позорить. В результате он впал в мрачнейшее расположение духа и сказал, что подумает, представляю ли я вообще какую-либо ценность для его передачи.

20.00. День на работе прошел ужасно. Ричард Финч пытался убедить меня участвовать в программе, где я в малюсеньких шортиках встану рядом с изображением герцогини Йоркской, одетой в костюм для занятий фитнесом. Я попыталась воспользоваться тактикой беспроязвительности и заявила, что весьма польщена этим предложением, но куда лучше меня на эту роль подошла бы настоящая модель. И тут появляется Мэт из отдела графики (потрясающе привлекательный парень) и спрашивает, надо ли обвести в кадре мои бедра с целлюлитом.

– Да, конечно, если бедра герцогини тоже обвести, – ответил Ричард Финч.

На этом мое терпение закончилось. Пусть Ричард убедится, что в моем контракте не указано, будто меня можно унижать на экране, и что, сколько он меня ни упрасивай, я в такой программе участвовать не стану.

Пришла домой – позже обычного и очень уставшая, – а там все еще торчит Гари-мастер. На кухне полно немытой посуды, кругом валяются подгорелые тосты и журналы «Почта рыбака» и «Клевая рыбалка».

– Ну, как вам? – Гари с гордостью кивнул на творение рук своих.

– О, потрясающе, потрясающе! – восторженно воскликнула я, чувствуя, что у меня сводит рот. – Вот только... не могли бы вы сделать так, чтобы крепления у полок были расположены на одной линии?

Полки были повешены совершенно не симметрично, крепления воткнуты где придется, в общем, полный кошмар.

– Тут, понимаете, какая штука... у вас здесь электрический кабель проходит, так что, если я просверлю стену, где вы хотите, все замкнет, – начал Гари, и тут заверещал телефон.

– Аллю?

– Вечер добрый, я попал на командный пункт? – С мобильного звонил Марк.

– Разве что я могу все вытащить и поставить в дырки заглушки, – гундосил Гари.

– Ты там не одна? – Голос Марка доносился сквозь какой-то треск и шум дорожного движения.

– Да нет, это просто... – Я уже хотела сказать: «Мастер пришел полки делать», но подумала, что это будет обидно для Гари, и потому ограничилась фразой: – Гари, приятель Магды.

– Что он у тебя делает?

– Тогда, конечно, вам понадобится все зашпаклевать, – продолжал свое Гари.

– Слушай, я в машине, мне говорить неудобно. Ты не хочешь сегодня поужинать с Джайлзом?

– Я уже пообещала подругам.

– О господи! Меня расчленият, разберут по косточкам и исследуют до последней клеточки.

– Да нет, что ты...

– погоди, я проезжаю под мостом. – (Треск, треск, треск...) – Я тут видел твою подругу Ребекку. Очень милая.

– Не знала, что ты знаком с Ребеккой.

Дыхание у меня участилось.

Я бы не назвала Ребекку своей подругой, просто иногда мы встречаемся с ней в «192» вместе с Джуд и Шерон. Дело в том, что Ребекка – ядовитая медуза. Ведешь с ней милый и приятный разговор и вдруг чувствуешь, что тебя больно-больно ужалили, и сначала даже не понимаешь, в чем дело. К примеру, скажешь что-нибудь про джинсы, а она в ответ: «Да, когда на бедрах „галифе“, важно, чтобы покрой был правильный, лучше всего „Дольче и Габбана“» – у самой-то у нее бедра как у новорожденного жирафа, – после чего спокойно переводит разговор на летние брючки от «Донна Каран».

– Бридж, ты куда пропала?

– Где... где ты видел Ребекку? – спросила я сдавленным писклявым голосом.

– Она вчера была у Барки Томпсона, я заглянул к нему на вечеринку. Ребекка мне представилась.

– Вчера?

– Да, я заскочил к нему, потому что ты задерживалась.

– И о чем вы с ней говорили? – спросила я, заметив, что Гари с сигаретой в зубах ухмыляется, глядя на меня.

– Ну, она поинтересовалась моей работой и очень хорошо отозвалась о тебе, – спокойно ответил Марк.

– Что именно она про меня сказала? – прошептала я.

– Сказала, что у тебя вольный дух... – Связь на секунду прервалась.

«Вольный дух»? В устах Ребекки это означает, что Бриджит спит с кем попало и жрет галлюциногенные грибы.

– А можно вообще проводку поменять, – снова загундосил Гари, будто я и не думала говорить по телефону.

– Ладно, лучше я тебя отпущу, раз ты сейчас занята, – снова послышался голос Марка. – Целую. Позвонить тебе еще раз попозже?

– Да-да, перезвони.

Я положила трубку. Перед глазами все плыло.

– Что, приударяет за другой? – У Гари очень вовремя случился приступ ясности ума.

Я свирепо глянула на него.

– Так что там с полками?

– В общем, если вы хотите, чтобы все было ровно, мне придется поменять проводку, а это значит, надо снимать штукатурку. Либо установить МДФ три на четыре. Короче, лучше бы вы мне сразу сказали, что вам нужно все симметрично, – пока я не начал. Но я могу сейчас все сделать. – Он окинул взглядом кухню. – Еда у вас найдется?

– Да нет, полки нормально смотрятся, просто отлично, меня все устраивает, – засуетилась я.

– Если вы мне сварите спагетти, я...

Заплатила Гари сто двадцать фунтов наличными, только чтобы вытурить его наконец из дома. Господи, как же я задержалась. Черт, черт, опять телефон.

21.05. Это оказался папа – что странно, потому что все телефонные переговоры он обычно доверяет маме.

– Звоню спросить, как у тебя дела. – Голос у него звучал подозрительно.

– У меня все хорошо, – с беспокойством произнесла я. – А ты как?

– Очень неплохо. Очень неплохо. Много работы в саду, конечно. Очень занят, хотя зимой там, само собой, не так уж много дел... Ты-то как поживаешь?

– Хорошо, – повторила я. – А у тебя все нормально?

– Да-да, все прекрасно. А на работе, на работе как?

– И на работе все хорошо. Ну, то есть, конечно, кошмар, как всегда. Ну а у тебя-то все в порядке?

– У меня? Да, все хорошо. Скоро подснежники покажутся, один за другим: тух-тух-тух-тух-тух. У тебя-то все в норме?

– Да, все хорошо. А ты как?

Нас заедало таким образом еще несколько минут, и потом мне удалось наконец совершить прорыв:

– А мама как поживает?

– О, она, она...

Повисла долгая, мучительная пауза.

– Она едет в Кению. С Юной.

Вся гадость в том, что история с португальским каторжником Жулиу началась именно с маминой поездки на отдых в компании Юны.

– Ты тоже с ними едешь?

– Нет-нет, – с напускным безразличием сказал папа. – У меня нет ни малейшего желания сидеть зарабатывать рак кожи, потягивая пинья колада и глядя, как гологрудые танцовщицы выделяются перед похотливыми нематыми стариками.

– Но она тебе предлагала поехать?

– Э-э, вообще-то нет. Мама говорит, что она свободный человек и имеет право на личный выбор, что наши деньги – это ее деньги, что у нее должна быть возможность познавать мир и саму себя, когда ей вздумается.

– Ну, если этими двумя пунктами все и ограничивается... – замялась я. – Она любит тебя, папа. Ты же сам это видел, – я чуть не сказала «в последний раз», – в Рождество. Ей просто нужны иногда новые впечатления.

– Да-да, Бриджит, знаю. Но есть еще кое-что. И это ужасно. Можешь подождать секунду?

Я глянула на часы. Мне уже давным-давно пора было сидеть в «192», к тому же я не успела предупредить Джуд и Шерон, что Магда тоже придет. И при благоприятных-то обстоятельствах нелегко соединять вместе подруг из разных лагерей (разделение проходит по принципу «замужняя – незамужняя»), а Магда, помимо всего прочего, еще и родила недавно ребенка. Боюсь, на душевном состоянии Джуд это отразится не самым лучшим образом.

– Извини. Сходил дверь закрыть. – Папа вернулся к трубке. – Так вот, – заговорщицким тоном продолжал он, – я случайно услышал сегодня, как мама говорила по телефону; видимо, звонила в отель в Кении. Она сказала... сказала...

– Спокойно, спокойно. Что она сказала?

– Она сказала: «Только пусть будут повыше и, пожалуйста, пожестче. Мы хотим хорошо отдохнуть».

Боже правый.

– Что же я... – папа почти рыдал, – буду спокойно слушать, как моя жена нанимает себе жиголо?

Я растерялась. Какой совет дать собственному отцу по поводу жиголонанимательских устремлений собственной матери? Подобный вопрос не рассматривается ни в одной из прочитанных мною книг.

В итоге я не нашла ничего лучше, кроме как попытаться пробудить в папе веру в свои силы, а также посоветовать ему не заводить с мамой разговоров сейчас, а отложить все до утра, чтобы иметь возможность немного успокоиться и отстраниться от эмоций, – сама я никогда бы не смогла этого осуществить, прекрасно понимаю.

Теперь я опаздывала уже сверх всякой меры. Сказала папе, что у Джуд душевный кризис.

– Все, все, иди-иди! Поговорим, когда у тебя будет время. Волноваться я не стану! – засуетился он. – Пойду поработаю в саду, пока дождя нет.

Говорил он невнятно и не совсем своим голосом.

– Папа, сейчас девять вечера и зима на дворе.

– Ах, ладно. – Он, кажется, опешил. – Чудненько. Пойду тогда виски выпью.

Надеюсь, с ним все будет в порядке.

Среда, 29 января

59,5 кг (а-а-а! но, возможно, это все бурдюк с вином, в который я превратилась), сигареты: 1 (оч. хор.), работа: 1 шт., романы: 1 шт. (держусь на хорошем уровне).

5.00. Никогда, никогда в жизни больше не буду пить.

5.15. В голову все время лезут обрывочные воспоминания о вчерашнем вечере.

Пыхтя принеслась под дождем в «192». К счастью, выяснилось, что Магда еще не пришла. Джуд уже успела себя накрутить и довести до состояния, когда любую мелочь видишь как трагедию, которую невозможно пережить, – именно от этого предостерегает автор книги «Как не делать из мухи слона».

– У меня никогда не будет детей, – твердила она, уставившись взглядом в одну точку. – Я отработанный материал. Тот парень в своей статье пишет, что женщины за тридцать – ходячие яичники и ничего больше.

– Да подумай же! – фыркнула Шерон, хватая бокал с вином. – Ты разве не читала «Ответный ход»? Да он просто писака без ума и без совести, ничего другого не умеет, кроме как женщин критиковать. Все это мешанская пропаганда, чтобы не давать женщинам развиваться, чтобы делать из них рабов! Хоть бы он облысел раньше времени!

– Но какие у меня шансы успеть познакомиться с новым мужчиной, создать с ним прочный союз и убедить его, что он хочет ребенка? Они же никогда не хотят детей, пока дети не появляются.

Лучше бы Джуд не говорила в общественном месте о «тикающих часиках». О таких вещах все мы тихо переживаем, но стараемся делать вид, что данный нелюбезный факт и не факт вовсе. А вот если эту тему открыто подняли в «192» – тогда делать вид становится куда сложнее.

К счастью, Шерон уже начала пламенную проповедь.

– Сколько женщин тратят свои молодые годы на детей! Рожают в двадцать, в тридцать, в сорок! А ведь именно в это время больше всего надо думать о карьере! – рычала она. – Вот в Бразилии тетка родила в шестьдесят – и все прекрасно!

– Ура! – воскликнула я. – Детей никому никогда не хочется, их всегда планируешь завести года через два-три!

– Слабое утешение, – мрачно сказала Джуд. – Магда говорит, что, даже когда они с Джереми поженились, она не могла поднять тему ребенка, чтобы в ответ не услышать, что все у них становится слишком серьезно.

– Что? Даже когда они поженились? – заклокотала Шерон.

– Да, – кивнула Джуд, взяла сумочку и с раздраженным видом пошла в туалет.

– У меня шикарная идея, что подарить Джуд на день рождения, – повернулась ко мне Шерон. – Ее собственную замороженную яйцеклетку!

– Тс-с, – хихикнула я. – Трудновато будет сделать это в виде сюрприза.

В этот самый момент в ресторан вошла Магда, что было весьма неудачно, поскольку: а) я так и не предупредила подруг о ее приходе, и б) я испытала сильнейший шок, потому что со времени, когда Магда родила третьего ребенка, я видела ее только один раз и живот у нее с тех пор еще не опал. Магда щеголяла золотого цвета блузкой и бархатным шарфом на голове – трудно было не заметить резкого контраста с остальными посетителями ресторана, одетыми в спортивно-походном стиле.

Когда я наливала Магде бокал шардоне, вернулась Джуд. Она глянула на живот Магды, а потом с обвинением перевела глаза на меня.

– Привет, Магда, – угрюмо поздоровалась она. – Когда ждешь?

– Я родила месяц назад, – сообщила Магда, и подбородок у нее задрожал.

Нельзя было сводить вместе подруг разных видовых принадлежностей, ой нельзя.

– Я что, такая толстая? – шепотом, точно Джуд и Шерон – наши злейшие враги, спросила меня Магда.

– Нет, ты прекрасно выглядишь, – ответила я. – Вся сияешь.

– Правда? – просветлела она. – Просто нужно какое-то время... ну... чтобы прийти в форму. К тому же у меня был мастит...

Джуд и Шерон аж передернуло. Зачем «остепенившиеся» женщины так себя ведут, зачем? С легкостью пускаются в рассказы про кесаревы сечения, швы, кровотечения, отравления, траволечения и бог знает про что еще – точно это самые подходящие темы для приятной светской беседы.

– Ну и вот, – продолжала Магда, отхлебывая вино и радостно улыбаясь всем нам, будто она только что вышла из заключения на свободу, – Винни узнала, что нужно положить в лифчик капустных листьев – обязательно савойскую капусту надо брать – и часов за пять инфекция уходит. Конечно, все это малоприятно: пот, молоко, гной. Да и Джереми раздражается, когда я ложусь с ним в кровать: в лифчике полно сырых листьев, а ТАМ кровотечение, – но я чувствую себя настолько лучше! Уже почти целый кочан израсходовала!

Повисло гробовое молчание. Я с беспокойством глянула по сторонам, но оказалось, что Джуд неожиданно взбодрилась и поглядывает на свою коротенькую маечку, открывающую соблазнительный и плоский, словно доска, живот с проколотым пупком, а Шерон поправляет бюстгальтер.

– Ладно, что мы все обо мне да обо мне. У вас-то как дела? – Тон Магды был таким, будто она только что прочла одну из тех книжек, которые рекламируются в газетных статьях под заголовком «Как стать хорошим собеседником». – Как у тебя с Марком?

– О, он просто чудо, – радостно заговорила я. – Чувствую себя с ним так...

Джуд и Шерон переглянулись. Понятно, я демонстрирую слишком большой энтузиазм, мечу в «остепенившиеся».

Я решила сменить курс:

– Один вот только момент...

– Что такое? – насторожилась Джуд, наклоняясь вперед.

– Да может, и ничего страшного. Просто он вчера мне позвонил и сказал, что познакомился с Ребеккой.

– Что-о-о-о? – взорвалась Шерон. – Да как он посмел, скотина чертова? Где?

– Вчера у кого-то в гостях.

– И что это он поперся в гости? – завопила Джуд. – Один, без тебя, с Ребеккой трепаться!

Ура! Точь-в-точь как в старые добрые времена. Мы разобрали по косточкам телефонный разговор, обсудили, с какими интонациями говорил Марк, каковы были мои ощущения и как стоит понимать тот факт, что Марк пришел ко мне домой прямо из гостей, но рассказал про вечеринку и про Ребекку только через сутки.

– Типичный упомяноз, – заявила Джуд.

– Это что еще такое? – поинтересовалась Магда.

– Это когда человек в разговоре все время упоминает чье-то имя, хотя особых причин для этого в общем-то нет. «Ребекка считает так-то», «у Ребекки тоже такая машина».

Магда замолкла. И я прекрасно понимаю почему. В прошлом году она только и говорила о том, что с Джереми что-то неладно. А потом выяснилось, что у него роман на стороне. Я протянула ей сигарету.

– Да, прекрасно понимаю, о чем ты, – сказала она, беря сигарету и кивком выражая мне благодарность. – А почему, кстати, это он всегда к тебе приезжает, а не ты к нему? У него ведь, по-моему, большущий дом в Холланд-парке?

– Ну... наверно, ему больше нравится...

– Хм, – сказала Джуд. – Ты читала «Мужчину, не способного к серьезным отношениям: как избежать созависимости»?

– Нет.

– Зайдем ко мне после ресторана. Я тебе покажу пару мест.

Магда глянула на Джуд с видом Пятачка, переживающего, что Пух с Тигрой не хотят взять его с собой на прогулку.

– Может, он просто не любит ходить в магазин за едой и заниматься уборкой, – предположила она. – В жизни не встречала мужчины, который бы втайне не хотел, чтобы за ним ухаживали так, как его мать ухаживала за его отцом. Каким бы сторонником равноправия он ни притворялся.

– Точнее не скажешь, – рыкнула Шерон, и Магда аж засветилась от удовольствия.

Но тут разговор снова пошел о том, что Джудин американец ей не перезвонил, и Магда немедленно уничтожила всю проделанную работу.

– Послушай, Джуд! – воскликнула она. – Я понять не могу. Ты настолько успешно занимаешься проблемой обвала рубля, что вся компания тебе стоя аплодирует! И почему-то позволяешь себе так переживать из-за какого-то мужчины!

– Понимаешь ли, Магда, – попыталась я исправить положение. – С рублем все обстоит куда проще, чем с мужчиной. Его поведением управляют ясные и четкие законы.

– Мне кажется, тебе стоит пару деньков переждать, – задумчиво произнесла Шерон. – Постарайся не переживать, а потом, когда он позвонит, разговаривай с ним весело и спокойно и сообщи, что ты ужасно занята, так что времени на беседы нет.

– Секундочку, – встряла Магда, – раз ты хочешь с ним поговорить, какой смысл ждать три дня, а потом заявлять, что у тебя нет времени? Почему тебе самой ему не позвонить?

Джуд с Шерон просто рты разинули: какая несусветная чушь может прийти в голову «остепенившейся»! Всем известно, что Анжелика Хьюстон никогда не звонила Джеку Николсону, что мужчина обязательно хочет быть охотником!

Дальше стало только хуже. Магда, со всей искренностью глядя на Джуд, принялась объяснять ей, что, когда она встретит своего мужчину, все будет так просто, так легко – «пойдет как по маслу». В половине одиннадцатого Магда вдруг вскочила и стала прощаться:

– Ну, мне пора! Джереми будет дома в одиннадцать!

– И на черта надо было звать Магду? – спросила меня Джуд, как только та оказалась вне пределов слышимости.

– Ей было одиноко, – промямлила я в ответ.

– Ага, конечно. Два часа надо было провести одной без Джереми, – констатировала Шерон.

– Нельзя сидеть одновременно на двух стульях. Если она «остепенившаяся», пусть не ноет, что ей нет места среди «штучных экземпляров».

– Слов нет. Да если ее забросить в реальный мир отношений мужчины и женщины, она как муха пропадет, – пробурчала Шерон.

– Внимание, внимание, тревога, состояние полной готовности! Ребекка! – сиреной завывала Джуд.

Мы проследили за ее взглядом и через окно увидели, как на другой стороне улицы припарковался джип «мицубиси». В нем сидела Ребекка, одной рукой держась за руль, а другой прижимая к уху телефон.

Из автомобиля показались длинные ноги Ребекки. Она вышла, закатив глаза при виде прохожего, осмелившегося оказаться рядом, когда она говорит по телефону, и двинулась через дорогу, не обращая ни малейшего внимания на движение машин, которым пришлось с визгом остановиться, чтобы уступить ей путь. Она вильнула всем телом, будто говоря: «Валите все к черту, тут я иду», и на полном ходу врезалась в бедного вида женщину с магазинной тележкой, впрочем совершенно этот факт проигнорировав.

Ребекка распахнула дверь ресторана, эффектным движением отбросила с лица волосы, так что они блестящей, гладкой волной тут же вернулись в прежнее положение.

– Ну все, времени нет, целую. Пока! – проговорила она в мобильный.

– Привет, привет! – Она каждую из нас поцеловала, уселась на стул и знаком попросила официанта принести ей бокал. – Как дела? Бридж, как у тебя с Марком? Ты, наверно, очень счастлива, что у тебя наконец роман.

«Наконец». Р-р-р. Первая ядовитая стрела вечера.

– Ты, должно быть, просто на вершине счастья? – сюсюкала она. – Он тебя пригласил на банкет в Юридическом обществе в пятницу?

Марк ничего не говорил про банкет в Юридическом обществе.

– Ой, прости, я что-то не то сказала? – и не думала сбавлять обороты Ребекка. – Не сомневаюсь, он просто забыл. Или считает, что это мероприятие не совсем для тебя. Но, мне кажется, ты бы там прекрасно себя проявила. Возможно, все сочли бы тебя очень милой.

Как заметила впоследствии Шерон, тут в ход пошел уже не яд медузы, а тяжелая артиллерия времен Второй мировой.

Ребекка вскоре ускакала к кому-то в гости, а мы втроем, пошатываясь, побрели домой к Джуд.

– «Мужчина, неспособный к серьезным отношениям, не желает видеть вас на своей территории», – зачитывала мне Джуд из книги, а Шерон тем временем крутила на видеомагнитофоне «Гордость и предубеждение», чтобы найти эпизод, где Колин Ферт ныряет в озеро. – «Он предпочитает гостить в ваших владениях, как странствующий рыцарь, не связанный обязательствами. А потом скачет назад в свой замок. Вы не можете узнать, с кем и когда он общается по телефону. Свою территорию – и самого себя – он оставляет лишь за собой».

– Точнее не скажешь, – пробормотала Шерон. – Смотрите, сейчас он будет нырять.

Мы затаили дыхание, глядя, как Колин Ферт идет по берегу после купания, весь мокрый, в просвечивающей рубашке. О-о-о. О-о-о-о-о.

– Все равно, – воинственно сказала я, – про Марка не скажешь, что он «мужчина, неспособный к серьезным отношениям». Он был женат.

– Ну, тогда, может быть, он считает тебя «девушкой на время», – икнув, сообщила Джуд.

– Сволочь! – заплетающимся языком произнесла Шерон. – Сволочи чертовы. Гадость какая.

Наконец я притащилась домой, с надеждой кинулась к автоответчику и в ужасе отпрянула. Красный огонек не мигал. Марк не звонил.

О боже, уже шесть утра, надо еще чуть-чуть поспать.

8.30. Почему он мне не позвонил? Ну почему? Хм. Я уверенная в себе, состоявшаяся женщина, умеющая справляться с трудностями. Чувство самоуважения рождается у меня изнутри и не... Минуточку. Может, просто телефон не работает.

8.32. Гудок есть, но позвоню-ка лучше с мобильного и проверю. Если телефон не работает, значит, все прекрасно.

8.35. Хм. Телефон работает. Он же точно вчера сказал, что позвонит... Ой, звонок.

– Доброе утро, моя хорошая. Не разбудил?

Это оказался папа. Тут же почувствовала вину за то, что веду себя как ужасная эгоистка, куда больше думающая о своем четырехнедельном романе, чем о том, что браку моих родителей, продолжающемуся три с лишним десятилетия, угрожают высокорослые кенийские жиголо.

– Что случилось?

– Все нормально, – папа рассмеялся. – Я задал ей вопрос насчет телефонного разговора и... ой, вот она сама идет.

– Право слово, доченька! – начала мама, схватив трубку. – Не понимаю, откуда папе в голову лезет такая дурь. Я говорила о кроватях в гостинице!

Я улыбнулась про себя. Мозги у нас с папой совершенно испорченные.

– Ладно, – продолжала она, – мы уже купили билеты. Выезжаем восьмого февраля! Кения! Только подумай! Прилетаем поздно вечером, темнотища будет – как у негра в желудке.

– Мама! – вскричала я.

– Что, доченька?

– Нельзя говорить «как у негра в желудке». Это расистское выражение.

– А что такое, в Кении разве опять голод, доченька?

– Такие выражения надо убирать из своего лексикона, они плохо влияют на отношения между...

– Бр-р-р! Хватит, доченька, ты иногда совсем не понимаешь, что с чем едят. Ой, я тебе говорила? Джули Эндерби снова беременна.

– Мам, мне пора уходить, я...

Почему, как только скажешь маме по телефону, что у тебя нет времени разговаривать, она сразу вспоминает о паре десятков совершенно несущественных новостей, о которых немедленно следует рассказать?

– Так вот, это у нее уже третий, – с укоризной продолжала она. – А еще мы с Юной перед поездкой собираемся походить по Интернету...

– Вообще-то, нужно говорить «полазить по Интернету». Ладно, я...

– Лазить, ходить, бегать – какая разница? Нам помогут Мерл с Персивалем. Ты знаешь, он раньше заведовал ожоговым отделением в больнице в Нортхемптоне. Да, и еще: вы с Марком к нам приедете на Пасху?

– Мама, мне пора выходить, я на работу опаздываю! – попыталась я прервать ее.

Наконец, претерпев еще десять минут беспредметного разговора, я сумела от нее отделаться и с облегчением опустила голову обратно на подушку. Как-то мне это не нравится: мама пользуется Интернетом, а я нет. Вообще-то, я когда-то подключалась к Интернету, но дело кончилось тем, что некая компания под названием «GBN» по ошибке выслала мне шестьсот семьдесят семь одинаковых рекламных писем, и я так и не успела понять, зачем этот Интернет нужен.

Четверг, 30 января

59,5 кг (ЧП, на теле начали оставаться следы от кружевных трусов), кол-во примененных предметов нижнего белья сексуального дизайна: 17; кол-во приобретенных предметов нижнего белья неприглядного вида и гигантских размеров: 1; романы: 1 шт. (но поддержание этого показателя целиком и полностью зависит от того, смогу ли я скрыть присутствие на своем теле вышеупомянутого неприглядного белья).

9.00. Кафе «Койнз». За чашкой кофе. Ура! Все прекрасно. Он только что позвонил! Как выяснилось, он звонил мне вчера вечером, но не оставил сообщения, потому что собирался позвонить еще, а потом уснул. Немного подозрительно, конечно, но он пригласил меня на завтрашний юридический банкет. А еще, оказывается, его коллега Джайлз сказал, что я очень помогла ему по телефону.

9.05. Правда, страшновато идти на этот банкет. Очень официальный. Спросила Марка, что от меня потребуется, и он ответил: «Да ничего особенного. Не беспокойся. Просто посидим, поужинаем с моими коллегами, вот и все. Они мои приятели. Ты им обязательно понравишься».

9.11. «Ты им обязательно понравишься». Разве нет в этой фразе скрытого намека, что меня будут оценивать? Значит, очень важно произвести хорошее впечатление.

9.15. Так, постараюсь подойти к делу с правильным настроением. Покажу себя в лучшем свете: утонченной, жизнерадостной, красиво одетой. Однако же. У меня нет вечернего платья. Может, Джуд или Магда мне одолжат.

Так.

Комплекс подготовительных мероприятий в преддверии банкета

День первый (сегодня)

Программа приема пищи

1. Завтрак: фруктовый коктейль из апельсинов, бананов, груш, дыни или других сезонных фруктов. (NB: до завтрака уже употреблены капучино с шоколадным круассаном.)

2. Полдник: фрукты (но съесть не прямо перед обедом, т. к., чтобы ферменты действовали, нужен один час).

3. Обед: салат с чем-нибудь белковым.

4. Полдник: сельдерей или брокколи. После работы иду в спортзал.

5. После похода в спортзал: сельдерей.

6. Ужин: запеченная курица и овощи на пару.

18.00. Конец рабочего дня. Сейчас иду с Магдой на закупку нижнего белья, чтобы решить проблему с фигурой быстро и эффективно. Еще Магда одолжит мне украшения и оч. элегантное длинное темно-синее платье, которому, как она выражается, нужно немного «помочь». Все кинозвезды, оказывается, пользуются корректирующим бельем, чтобы хорошо выглядеть на премьерах и т. п. Поэтому в спортзал сегодня пойти не смогу, но для достижения моих ближайших целей куда больше подходит утягивающее белье, чем тренировка в фитнес-клубе.

К тому же я вообще приняла решение покончить с эпизодическими посещениями спортзала и принять серьезную новую программу занятий спортом, начав с оценки своего физиче-

ского состояния, которую мне проведут в клубе завтра. Конечно, нельзя ожидать, что мое тело существенно изменится к банкету, – именно поэтому я и прибегаю к спецбелью, – но по крайней мере почувствую прилив сил. Ой, телефон.

18.15. Звонила Шерон. Быстро поведала ей про комплекс предбанкетных мероприятий (включая и серьезный прокол: съеденную на обед пиццу), и, когда перешла к тестированию в клубе, Шерон чуть не плюнула в трубку.

– Ни в коем случае этого не делай, – мрачным голосом проговорила она.

Выяснилось, что Шерон претерпела однажды это тестирование. Его проводила огненно-рыжая тетка, по виду напоминающая участницу программы «Гладиаторы». Кличка у нее была Кувалда. Она поставила Шерон перед зеркалом в центре зала и стала громко вещать: «У вас появились ягодичные складки, этот жир сдвинул жир на бедрах, и по бокам бедер повисли „уши“».

Мысль о тетке гладиаторского вида меня пугает. Я вообще опасаясь, что участники шоу «Гладиаторы» когда-нибудь совсем разойдутся, станут пожирать людей и его продюсеры будут бросать Кувалде и ей подобным беспомощных христиан на растерзание. Шерон уверяет, что мне надо немедленно отказаться от своей затеи, но я отстаиваю ту точку зрения, что если, как говорит Кувалда, жир способен перемещаться, то из него, безусловно, можно вылепить все что угодно: придать телу более приятную форму, а то и вообще менять формы в зависимости от обстоятельств. Как тут не задаться вопросом: если из жира получится, что моя душа пожелает, стоит ли мне уменьшать его общее количество? Я бы наваяла себе огромную грудь и широкие бедра, а талию сделала бы совсем тоненькой. Но не останется ли все-таки после этого излишек жира? И куда в таком случае его переместить? Ничего, если при совершенном теле у меня будут толстые ступни или уши?

– Толстые губы – это нормально, – произнесла Шерон, – а вот... – она понизила голос и заговорила мерзким шепотом, – толстые половые губы...

Фу. Иногда Шерон просто невыносимо противная. Так. Пора идти. Встречаюсь с Магдой в «Маркс энд Спенсер» в полседьмого.

21.00. Дома. Поход в магазин лучше всего было бы описать словом «поучительный». Магда махала у меня перед носом отвратительными огромными трусами. «Хватит, Бриджит, это белье нового поколения! Вспомни семидесятые, корсеты, „Евровидение" с Тиной Рейнолдс!» – кричала она, беря в руки комплект, как нельзя лучше подошедший бы киллерше-велосипедистке: черные шорты, корсет и жесткий бюстгальтер.

– Я такое не надену, – прошипела я сквозь сжатые зубы, – повесь обратно.

– Почему не наденешь?

– А что, если его кто-нибудь, ну... нащупает?

– Ну ты даешь, Бриджит. Белье должно делать свое дело. Если ты хочешь надеть обтягивающее платье или брючки (на работу, скажем), тебе нужно создать хороший контур. На работе же тебя никто щупать не будет, правда?

– Ну, может, и будет, кто знает, – не отступилась от своего я, вспоминая о том, что у меня, бывало, происходило в офисном лифте в период романа – если можно так обозвать это кошмарное нечто – с Дэниелом Кливером. – А вот это тебе как? – с надеждой спросила я, взяв в руки потрясающе красивый комплект: трусики и лифчик из тонкого черного материала.

– Нет, ни в коем случае! Сплошные восьмидесятые годы. Вот что тебе нужно! – И она замахала передо мной чем-то похожим на гидрокостюм.

– А что, если мне под юбку залезут?

– Бриджит, ты меня поражаешь, – громко сказала она. – Ты что, каждое утро встаешь с мыслью: а вдруг сегодня какой-нибудь мужчина ни с того ни с сего засунет мне руку под юбку? Ты совсем не контролируешь, что у тебя в жизни происходит с сексом?

– Контролирую, конечно, – с вызовом ответила я и пошла в примерочную с ворохом жестких панталон в руках.

Закончилось все примеркой какого-то черного футляра, сделанного будто из резины. Я еле в него втиснулась, он дошел мне ровно до груди, но все время пытался скрутиться обратно, словно непослушный презерватив.

– Вдруг Марк меня в этом увидит? Или коснется меня и почувствует, что у меня под платьем что-то не то?

– Вы же не в клуб идете обниматься. Это официальный прием. Он захочет произвести впечатление на своих коллег. Мысли у него будут не о том, чтобы тебя потискать.

Сомневаюсь, что Марк вообще когда-нибудь стремится на кого-то произвести впечатление, ведь он уверенный в себе человек. Но насчет белья Магда права. Не надо цепляться за устаревшие представления о нижнем белье.

Так, следовало бы сегодня пораньше лечь спать. В спортзале нужно быть в восемь утра. Мне кажется, вся моя личность претерпевает кардинальные изменения.

Пятница, 31 января: День икс

59 кг, алкоголь: 6 (2)* порц., сигареты: 12 (0), калории: 4284 (1500), вранье фитнес-тренеру: 14 р.

* Цифры в скобках обозначают данные, названные тренеру.

9.30. В этих ужасных новых фитнес-клубах тренеры вечно ведут себя будто они врачи, но без всяких обязательств в духе Гиппократов.

– Какое количество алкоголя вы употребляете в неделю? – допрашивал меня брэдпиттообразный юнец по прозвищу Герилья. Я сидела перед ним в трусах и лифчике, старательно втягивая живот.

– Не более двадцати порций, – легко соврала я.

Он, наглец, передернулся.

– Вы курите?

– Бросила, – муркнула я.

При этих словах Герилья демонстративно перевел взгляд на мою сумку, в которой, ну да, да, лежала пачка сигарет, ну и что?

– Когда вы бросили? – натянуто спросил он, внося какие-то данные в компьютер, – наверняка они отправятся прямиком в штаб-квартиру Консервативной партии и, когда меня в следующий раз оштрафуют за неправильную парковку, я загремлю в исправительный лагерь.

– Сегодня, – уверенно произнесла я.

Потом он взял в руки щипцы и стал замерять мой жир.

– Я ставлю пометки фломастером, чтобы видеть, что я замерил, – властно произнес он, рисуя на мне кружочки и крестики. – Все сойдет, если потрете ацетоном.

После этого мне пришлось идти в зал и делать вместе с Герильей упражнения, сопровождавшиеся пристальными взглядами и прикосновениями. Например, мы вставали друг напротив друга, положив руки на плечи партнера, Герилья пружинисто приседал, касаясь задом мата, а я делала неуклюжие попытки слегка согнуть колени. К концу этой сессии у меня было ощущение, что я долго и страстно занималась с Герильей сексом и у нас практически роман. Когда я приняла душ и оделась, то поняла, что не знаю, как быть: вполне естественным казалось подойти к нему и спросить, когда его ждать дома к ужину. Но я, конечно, ужинаю сегодня с Марком Дарси.

Оч. жду банкета. Я уже не раз примерила свой наряд, все выглядит отлично, контуры тела ровные и соблазнительные, все благодаря жуткому футляру, о котором Марк, конечно, не имеет никаких шансов догадаться. И разумеется, я буду Марку прекрасной парой на банкете. Я ведь светская женщина, делаю карьеру и т. д. и т. п.

Полночь. Когда я подъехала к Гилдхоллу⁶, Марк уже вышагивал перед зданием; он был в смокинге, поверх которого накинул строгое пальто. Так здорово, когда у тебя с мужчиной роман и вдруг в какой-то момент он предстает перед тобой очень притягательным незнакомцем. Хочется тут же ринуться домой и заняться с ним безудержным сексом, будто вы только что познакомились. (Само собой, я не хочу сказать, что именно так обычно поступаю с мужчинами, с которыми только что познакомилась.) При виде меня он, мне показалось, ужаснулся. Потом засмеялся, но взял себя в руки и учтивым жестом пригласил войти.

– Прости, что опоздала, – произнесла я, переводя дыхание.

⁶ Здание в лондонском Сити, бывшая ратуша, в наше время служит для проведения различных церемоний.

– Ты не опоздала, – улыбнулся он. – Я тебе специально сказал, что банкет начинается раньше.

И снова бросил на меня странный взгляд.

– Что такое? – спросила я.

– Ничего, ничего, – как-то слишком спокойно и мягко сказал Марк, будто я буйнопомешанная, стоящая перед ним на крыше машины с топором в одной руке и головой его жены в другой.

Он провел меня к дверям, которые открыл перед нами швейцар в ливрее.

Мы оказались в вестибюле с высокими сводами, отделанном темным деревом и заполненным пожилыми мужчинами в смокингах, переговаривающимися друг с другом. Мимо прошла женщина в расшитом блестками платье и странно на меня посмотрела. Марк любезно ей кивнул и прошептал мне на ухо:

– Ты не зайдешь в уборную на себя в зеркало глянуть?

Я понеслась в туалет. Выяснилось, что, сидя в темноте в такси, я по ошибке вместо румян нанесла на щеки темно-серые тени для век: с кем не бывает, коробочки-то одинаковые. Когда я оттерла тени и вышла, отдав в гардероб пальто, ноги у меня чуть не подкосились. Марк разговаривал с Ребеккой.

На ней было струящееся, кофейного цвета платье с открытой спиной, прекрасно очерчивающее контуры ее худющей фигуры – корсет ей явно не требовался. Я почувствовала себя как мой папа, однажды испекший торт для участия в графтон-андервудском кондитерском конкурсе и получивший его назад с оценкой «Не допущен к соревнованиям как не соответствующий стандартам».

– Это было так забавно, – щебетала Ребекка, заливаясь смехом и с огромной приязнью во взоре глядя на Марка.

– А, Бриджит, – обратилась она ко мне, когда я подошла. – Как ты, красавица? – Она поцеловала меня, и я еле удержалась, чтобы от нее не отстраниться. – Нервничаешь?

– Почему это Бриджит должна нервничать? – произнес Марк. – Она у нас воплощенная уверенность в себе, правда, Бридж?

Я заметила, как на мгновение лицо Ребекки исказила гримаса недовольства, но потом она справилась с собой и сказала:

– Ой, какие вы милые! Я так за вас обоих рада! – И она отчалила, бросив на Марка кокетливый взгляд через плечо.

– Она очень приятная, – проговорил Марк. – Всегда такая любезная и умная.

«Всегда???» – подумала я. Всегда? Мне казалось, он только дважды в жизни с ней встречался. Он хотел меня обнять и протянул руку прямо к корсету, так что мне пришлось отпрыгнуть в сторону. Потом к нам подошли двое его коллег и стали поздравлять его с успехом в деле какого-то мексиканца. Марк вежливо побеседовал с ними пару минут, после чего ловко закончил разговор и повел меня в обеденный зал.

Там было оч. красиво: отделка темного дерева, круглые столы, горящие свечи, переливающийся хрусталь. Единственная неприятность: мне все время приходилось отскакивать от Марка, как только он хотел положить руку мне на талию.

За наш стол один за другим усаживались сдержанно-самоуверенные юристы в возрасте тридцати-сорока лет, они громко смеялись, соревнуясь друг с другом в остроумии.

– Как понять, что ты впал в зависимость от Интернета?

– Первый признак: ты не знаешь, какого пола три твоих ближайших друга.

Хи-хи-хи. Ха-ха-ха.

– Ставишь точку в конце предложения и не можешь не добавить com.

Га-га-га-га-га.

– Все документы по работе пишешь в HTML.

Гы-гы-гы-гы-гы!

Когда все приступили к ужину, одна из наших соседок по столу, женщина по имени Луиза Бартон-Фостер (невероятно самоуверенная адвокатша, запросто можно представить, как она силой заставляет тебя есть печенку), начала неимоверно долгие разглагольствования непонятно о чем.

– В каком-то смысле, – долдонила она, со зверским видом глядя в меню, – эта протомерия – эталон амбибисфункции.

Все шло совершенно отлично: я тихонько сидела и ковырялась вилкой в тарелке, – пока Марк вдруг не произнес:

– Полностью с вами согласен, Луиза. Чтобы в следующий раз снова голосовать за консерваторов, я хочу быть точно уверен, что моей точкой зрения интересуются и что ее будут отстаивать в парламенте.

Я в ужасе уставилась на него. Ощущение было такое, как у моего друга Саймона в детстве, когда он как-то играл в гостях с другими детьми, а потом пришел их дедушка, и оказалось, что это Роберт Максвелл⁷: Саймон вдруг понял, что с ним играют несколько уменьшенных Робертов Максвеллов с густыми бровями и мощными подбородками.

Конечно, я понимаю, что, когда начинаешь роман с новым мужчиной, обязательно придется столкнуться со множеством различий между вами, различий, к которым нужно будет привыкать, которые нужно будет сглаживать как острые углы, но никогда, никогда в жизни я не думала, что стану спать с мужчиной, голосующим за консерваторов. Мне вдруг показалось, что я совсем не знаю Марка Дарси и что, быть может, все четыре недели нашего романа он втайне от меня выписывал из приложений к воскресным газетам керамические фигурки животных в чепчиках или, нацепив фанатский шарфик, на клубном автобусе ездил на матчи по регби.

Беседа постепенно переходила в спор и состязание самолюбий.

– Откуда вы знаете, что показатель там четыре с половиной? – гавкала Луиза на какого-то мужчину, внешностью похожего на принца Эндрю.

– Я, вообще-то, изучал экономику в Кембридже.

– Кто вам преподавал? – накинулась на него другая женщина, будто от ответа на этот вопрос зависел исход спора.

– Как ты? – тихонько спросил меня Марк.

– Нормально, – ответила я, опустив голову.

– Ты вся дрожишь. В чем дело?

Пришлось все ему сказать.

– Ну да, я голосую за тори, и что в этом такого? – сказал он, с удивлением глядя на меня.

– Тихе, – прошептала я, нервно оглядываясь по сторонам.

– Что в этом такого?

– Ну, как тебе объяснить, – начала я, жалея, что рядом со мной нет Шерон, – если бы я проголосовала за тори, я стала бы изгоем. Это все равно что заявиться в «Кафе руж» со сворой гончих или устраивать дома ужины со столовым серебром и отдельными тарелочками для хлеба.

– Как здесь, ты хочешь сказать? – засмеялся Марк.

– В общем да, – глухо ответила я.

– Ну и за кого же ты тогда голосуешь?

– За лейбористов, естественно, – возмущенно прошипела я. – Все голосуют за лейбористов.

– Думаю, этот факт научно еще не доказан, – возразил он. – И почему, позволь поинтересоваться?

⁷ Роберт Максвелл – британский медиамагнат и политик.

– Что?

– Почему ты голосуешь за лейбористов?

– Ну, – я задумалась, – потому что голосовать за лейбористов – значит быть левым.

– Ах, вот оно что!

Похоже, все это его невероятно забавляло.

Все уже прислушивались к нашему разговору.

– И социалистом, – добавила я.

– Социалистом. Понятно. А «социалист» – это означает?..

– Единство трудящихся.

– Ну Блэр, похоже, не собирается оказывать поддержку профсоюзам, – сказал он. – Ты слышала, что он говорит о четвертом пункте⁸?

– В общем, консерваторы – это фуффло.

– Фуффло? – переспросил Марк. – Экономика сейчас в куда лучшем состоянии, чем была.

– Не в лучшем, – напирала я. – И вообще, ее, наверно, подняли только потому, что скоро выборы.

– Подняли? – опять переспросил он. – Что подняли? Экономику подняли?

– Сравните позицию Блэра по объединенной Европе с позицией Мейджора, – присоединилась к дискуссии Луиза.

– Да. И почему в его программе нет увеличения расходов на здравоохранение, как в программе тори? – встрял «принц Эндрю».

Поразительно. Они опять раздухарились и стали друг перед другом выпендриваться. Наконец я не выдержала.

– Вся суть в том, чтобы голосовать за принципы, а не за какие-то там нюансы: процент сюда, процент туда. Абсолютно ясно, что лейбористы – это значит взаимопомощь, участие, это геи, матери-одиночки и Нельсон Мандела, и что другой лагерь – это властные зарвавшиеся дядьки, у которых романов на стороне как грязи, которые ездят в Париж и живут там в отеле «Ритц», а потом в программе «Сегодня» отчитывают ведущего.

За столом повисло глухое молчание.

– Что ж, точнее не скажешь, – со смехом произнес Марк, погладив меня по колену. – С твоими аргументами спорить не получится.

Все посмотрели на нас. Но, вместо того чтобы тоже посмеяться – как поступили бы нормальные люди, – просто сделали вид, что ничего не произошло, и снова стали кичливо тараторить, совершенно не обращая внимания на меня.

Трудно оценить, плоха или не очень была для меня сложившаяся ситуация. Словно я поселилась среди папуасов, отдала лапу собаке вождя и теперь не знаю, как толковать слышащиеся отовсюду разговоры туземцев: то ли все в порядке и можно не беспокоиться, то ли они решают, каким способом приготовить из моих мозгов пюре.

Затем один из гостей постучал по столу и началась длинная череда речей, отвратительно, невыносимо, беспредельно скучных. Как только они иссякли, Марк шепнул мне:

– Ну что, пойдём?

Мы попрощались с соседями по столу и двинулись через зал к дверям.

– Э-э... Бриджит, – вдруг сказал он. – Ты только не волнуйся. Но у тебя с платьем что-то странное.

⁸ Имеется в виду четвертый пункт Устава Лейбористской партии, в котором ставится задача «обеспечить работникам физического и умственного труда полный продукт их труда и его наиболее справедливое распределение на основе общественной собственности на средства производства».

Я спешно поднесла руку к талии. Жуткий корсет умудрился каким-то образом расстегнуться и стал скручиваться сверху и снизу, так что вокруг пояса у меня будто спасательный круг надулся.

– Что это? – спросил Марк, кивая и улыбаясь коллегам, мимо которых мы проходили.

– Ничего, – буркнула я.

Как только мы вышли, я стрелой метнулась в туалет. Немало сил ушло у меня на то, чтобы снять платье, раскрутить обратно резиновый футляр и снова натянуть все это кошмарное одеяние. Как мне хотелось оказаться дома в любимых безразмерных штанах и свободном свитере!

Вернувшись в вестибюль, я ощутила желание немедленно ринуться обратно в туалет. Марк разговаривал с Ребеккой. Опять. Она что-то шепнула ему на ухо и залилась мерзким смехом.

Я подошла к ним и неловко встала рядом.

– Вот и она! – воскликнул Марк. – Все в порядке?

– Бриджит! – Ребекка притворилась, что рада меня видеть. – Ты, говорят, на всех произвела большое впечатление своими политическими взглядами!

Как бы мне хотелось ответить ей чем-нибудь язвительно-остроумным! Но я просто стояла и глядела на нее исподлобья.

– Бриджит молодец, – нарушил молчание Марк. – Показала нам, какие мы напыщенные дураки! Что ж, нам пора, приятно было снова увидеться.

Ребекка с чувством расцеловала нас обоих, обдав волной «Гуччи энви», и двинулась обратно в зал – походка очевидно была рассчитана на то, что Марк за ней наблюдает.

Идя к машине, я не знала, что ему сказать. Они с Ребеккой явно смеялись надо мной у меня за спиной, а потом он попытался это скрыть. Как жаль, что я не могу позвонить Джуд и Шерон, чтобы с ними посоветоваться.

Марк вел себя так, точно ничего не случилось. Как только мы отъехали, он положил руку мне на бедро. Почему чем меньше ты выказываешь желания заняться сексом с мужчиной, тем больше он этого хочет?

– Может, стоит держать руки на руле? – сказала я, отодвигаясь подальше, чтобы его пальцы не дотянулись до края моего резинового футляра.

– Не стоит. Хочу тебя нахально облапать, – произнес он, чуть не наехав на оградительную тумбу.

Прикинувшись, что панически боюсь опасной езды в автомобиле, я сумела избежать дальнейших приставаний.

– Кстати, Ребекка спрашивала, не хотим ли мы какнибудь зайти к ней в гости, – сказал он.

Я ушам своим не поверила. Я знакома с Ребеккой четыре года, и она никогда не приглашала меня в гости.

– Она сегодня хорошо выглядела, правда? Милое платье.

Это упомяноз. Все симптомы самого настоящего упомяноза.

Мы доехали до Ноттинг-Хилла. На светофоре он, не спрашивая меня, повернул и поехал в направлении моего дома. Свой замок он хранит в неприкосновенности. Там его, наверно, ждут тысячи сообщений от Ребекки. Я «девушка на время».

– Куда мы едем? – выпалила я.

– К тебе домой. А что такое? – спросил он, с тревогой оглядываясь на меня.

– Вот именно. Что такое? – в ярости воскликнула я. – Мы встречаемся четыре недели и шесть дней. И никогда не были у тебя дома. Ни единого разу. Ни единого. Почему?

Марк не проронил ни слова. Он включил поворотник, свернул налево и двинулся назад в направлении Холланд-парк-авеню – все молча.

– Что с тобой? – наконец не выдержала я.

Он смотрел прямо перед собой.

– Не люблю, когда кричат.

Дальше все пошло совершенно ужасно. Мы приехали к нему, в молчании поднялись по лестнице. Он открыл дверь, поднял с пола почту и зажег свет на кухне.

Потолки в кухне высотой были с двухэтажный автобус, а вся мебель – блестящая стальная. В таких кухнях невозможно понять, какой из шкафов – холодильник. Странно было видеть, что на полу ничего не валяется и его заливают лишь холодный электрический свет.

Он отошел в другой конец кухни. Шаги отдавали гулким эхом, будто в подземной пещере, куда приезжаешь со школьной экскурсией. С беспокойством уставившись на стальные шкафы, он поинтересовался:

– Не хочешь бокал вина?

– Не откажусь, спасибо, – вежливым тоном согласилась я.

К стальной барной стойке были приставлены высокие стулья современного дизайна. Я неловко влезла на один из них, чувствуя себя джазовой певицей, готовящейся выступить на сцене с очередной песней.

– Так, – буркнул Марк.

Открыв одну из блестящих дверей, он увидел за ней мусорное ведро. Открыл другую и с удивлением обнаружил стиральную машину. Я опустила глаза, стараясь не засмеяться.

– Тебе красного или белого? – отрывисто произнес он.

– Белого, пожалуйста. – Внезапно я ощутила ужасную усталость. Ноги в туфлях болели, корсет врезался в тело. Мне хотелось одного: оказаться дома.

– Ага! – Он нашел-таки холодильник.

Я бросила взгляд в сторону и обнаружила телефон. В животе у меня екнуло. Огонек автоответчика мигал. Подняв глаза, я увидела, что Марк стоит прямо передо мной и держит в руке бутылку вина на ужасной металлической подставке. Вид у него был не менее несчастный, чем у меня.

– Слушай, Бриджит, я...

Я слезла со стула и обвила его руками, но он тут же обнял меня за талию. Я отстранилась. Нужно снять наконец эту гадость.

– Можно я на минутку поднимусь наверх? – спросила я.

– Что такое?

– В туалет, – безумным голосом ответила я и поковыляла к лестнице. Туфли жали уже просто нестерпимо.

Я зашла в первую попавшуюся комнату, судя по всему гардеробную: повсюду висели костюмы и рубашки и стояли ряды обуви. Высвободившись из платья, я с огромным облегчением стала отдиравать от тела корсет, думая, что надо бы найти тут халат, тогда мне станет уютно и я помирюсь с Марком, но внезапно в дверях появился он. Я застыла, не в силах пошевелиться, понимая, что мой жуткий футляр предстал перед ним во всей красе, а потом стала судорожно стаскивать его с себя. Марк в ошеломлении глядел на меня.

– Погоди, погоди, – сказал он, когда я потянулась к халату. Глаза его были устремлены на мой живот. – Ты что, играла в крестики-нолики?

Я стала рассказывать Марку про Герилью и про то, что у меня не было времени купить ацетон, но он лишь с усталым и смущенным видом продолжал смотреть на меня.

– Извини. Я совершенно не понимаю, о чем ты, – проговорил он. – Мне нужно поспать. Давай пойдем в постель.

Он открыл дверь в другую комнату и включил свет. Я глянула перед собой и громко вскрикнула. Там стояла огромная белая кровать, в центре которой лежал стройный и совершенно голый мальчик-азиат, он странно улыбался, держа в руках деревянные шарики на веревочке и маленького живого кролика.

3

У-у-у-ужас!

Суббота, 1 февраля

58,5 кг, алкоголь: 6 порц. (но в сочетании с томатным соком, оч. питательно), сигареты: 400 (ничего удивительного), кол-во обнаруженных в кровати кроликов, оленей, фазанов и других представителей фауны: 0 шт. (мощный прогресс по сравнению со вчерашним), романы: 0, романы, имеющиеся у того, с кем у меня раньше был роман: 1 шт.; кол-во нормальных мужчин, оставшихся в этом мире и пригодных для взаимоотношений: 0 шт.

00.15. Почему со мной все время это случается? Ну почему? ПОЧЕМУ? Только я, казалось бы, нахожу нормального, разумного человека, который нравится моей матери, не женат, не псих, не алкоголик и не паразит, как он оказывается извращенцем, геем и зоофилом. Неудивительно, что он не приглашал меня к себе. Дело не в неспособности к серьезным отношениям, не в Ребекке, и вовсе я не «девушка на время». Просто у него в спальне валяются мальчики-азиаты в компании представителей живой природы.

Я пережила сильнейшее потрясение. Сильнейшее. Около двух секунд я глядела на мальчика, потом метнулась назад в гардеробную, влезла в платье и кинулась вниз по лестнице, слыша доносящиеся из спальни крики: будто вьетконговцы режут американских солдат. Трясаясь выскочила на улицу и, будто безумная, стала махать руками, ловя такси, – точно прости-тутка, напоровшаяся на клиента, захотевшего испражниться ей на лицо.

Может, правы «остепеневшиеся», когда говорят, что мужчины без серьезного изъяна одинокими не остаются. Вот почему все так чертовски, чертовски, чертовски... Я не хочу сказать, что быть голубым – это изъян. Но для девушки голубого, который делал вид, что он не голубой, это безусловно изъян. Я снова буду одна в Валентинов день, четвертый год подряд! Снова проведу Рождество в односпальной кровати в доме родителей. Снова. Ужас. У-у-у-ужас!

Если бы можно было позвонить Тому... Естественно, он уехал в Сан-Франциско именно тогда, когда мне нужен совет и утешение со стороны голубого. Естественно. Он вечно просит у меня совета по поводу отношений с гомосексуалистами, и я говорю с ним часами. И вот теперь совет по поводу отношений с гомосексуалистом нужен мне, и как он поступает? Уезжает в ДОЛБАНЫЙ САН-ФРАНЦИСКО.

Спокойно, только спокойно. Конечно, нельзя в произошедших событиях винить Тома, особенно учитывая тот факт, что Том вообще никак с ними не связан. Обвинениями делу не поможешь. Я уверенная в себе, состоявшаяся женщина, умеющая справляться с трудностями... А-а-а! Телефон.

– Бриджит. Это Марк. Я прошу прощения. Мне очень, очень жаль. Это просто ужасно. Голос у него был совершенно несчастный.

– Бриджит?

– Что? – сказала я, пытаюсь унять дрожь в руках, чтобы зажечь сигарету.

– Я понимаю, что ты могла подумать. Я перепугался не меньше твоего. Я его раньше никогда в жизни не видел.

– И кто же он, в таком случае? – взорвалась я.

– Это сын моей домработницы. Я даже не знал, что у нее есть сын. Она говорит, у него шизофрения.

До меня донеслись крики.

– Иду, иду! Господи! Похоже, он ее душит. Я тебе перезвоню, ладно? – Снова крики. – Секунду, сейчас... Бриджит, я позвоню тебе утром.

Не знаю, что и думать. Хорошо было бы поговорить с Джуд или с Шерон, посоветоваться, стоит ли принимать такое объяснение, но ведь ночь на дворе. Попробую уснуть.

9.00. А-а-а! А-а-а! Телефон. Ура! Нет! Ужас! Вспомнила, что вчера случилось.

9.30. Звонил не Марк, а мама.

– Доченька, я вне себя от злобы.

– Мама, – решительно прервала ее я, – я позвоню тебе позже с мобильного, ладно?

Нельзя было занимать телефон, ведь мог позвонить Марк.

– С мобильного, доченька? Не говори ерунды – у тебя такой телефон был, только когда тебе было два годика. Помнишь, на нем рыбки были нарисованы? Ой, папа хочет тебе что-то сказать, только... Ладно, он уже идет.

Я ждала папу, лихорадочно переводя глаза с часов на мобильный и обратно.

– Привет, моя хорошая, – устало проговорил папа. – Она не едет в Кению.

– Отлично, можем порадоваться. – Хорошо, что хоть у одного из нас душевного кризиса не будет. – Как тебе это удалось?

– Никак. У нее истек срок действия паспорта.

– Ха! Великолепно. Не говори ей, что можно сделать новый.

– Она об этом знает, – вздохнул папа. – Проблема в том, что для нового паспорта нужна новая фотография. Так что уважение к моим чувствам тут ни при чем, просто с таможенниками лучше кокетничать при прежней фотографии.

Мама выхватила у него трубку.

– Это просто бред, доченька. Я сфотографировалась: выгляжу страшнее атомной войны. Юна посоветовала сняться в кабинке-автомате, но там еще хуже получилось. В общем, я еду со старым паспортом, и дело с концом. Как Марк поживает?

– Нормально, – ответила я сдавленным визгливым голосом, едва не добавив: «Он спит с восточными юношами и любит повозиться с крольчихками – здорово, правда?»

– Прекрасно! Мы с папой хотели пригласить вас завтра к нам на обед. Мы вас вдвоем еще не видели. Я приготовлю лазанью.

– Мам, можно я тебе перезвоню? Я опаздываю на... йогу! – Неожиданный прилив вдохновения.

На завершение разговора у меня ушло до нелепого мало времени, каких-то пятнадцать минут, в течение которых мне становилось яснее и яснее, что вся мощь британской паспортной службы – ничто по сравнению с желанием моей мамы сохранить старый паспорт со старой фотографией. Потом я не глядя потянулась к очередной сигарете, смущенная и озадаченная. Домработница? Я знаю, что у него есть домработница, но... И еще вся эта история с Ребеккой. И голосует он за консерваторов. Пойду-ка поем сырку. А-а-а! Телефон.

Это оказалась Шерон.

– Ах, Шерон, – несчастным голосом произнесла я и пустилась живописать произошедшее.

– Стоп, стоп, стоп, – произнесла она, когда я еще даже не дошла до мальчика-азиата. – Погоди. Я скажу один раз и дважды повторять не стану.

– Что такое? – спросила я, про себя думая, что если есть на свете человек, совершенно не способный сказать что-то только один раз (помимо моей мамы, конечно), то это, без сомнения, Шерон.

– Заканчивай с ним.

– Но...

– Заканчивай. Ты получила сигнал. Он голосует за тори. Спасайся, пока тебя не слишком затянуло.

– Погоди, это еще не...

– Да бога ради, – взревела она. – Он же ни по одному пункту не проходит. Свидания на твоей территории. Ты для него готовишь, за ним убираешь. Ты наряжаешься в пух и прах, приходишь на банкет сидеть с его мерзкими друзьями-консерваторами, а он чем отвечает? Флиртует с Ребеккой. К тебе относится свысока. И голосует за тори. Он не уважает женщину, он хочет ею помыкать и...

Я бросила нервный взгляд на часы.

– Слушай, Шерон, можно я тебе перезвоню с мобильного?

– Что? Ждешь от него звоночка? Фигушки! – завопила она.

В эту самую секунду затрезвонил мобильный.

– Шерон, мне придется закончить разговор, я тебе перезвоню.

Я с надеждой нажала кнопку ответа на мобильном.

Это оказалась Джуд.

– Ой, у меня такое жуткое похмелье. Меня сейчас вырвет... – И она затянула долгую историю про какую-то вечеринку в неизвестном мне баре. Пришлось ее прервать, потому что рассказ про мальчика-азиата явно перевешивал. Тут сомнений быть не могло. Так что никакого эгоизма с моей стороны.

– О господи, Бридж, – переменяла тон Джуд, когда я закончила. – Бедняжка моя. Ты повела себя идеально. Правда. Просто на высоте.

Меня охватило пьянящее чувство гордости, вскоре сменившееся недоумением.

– А чем таким я отличилась? – осторожно поинтересовалась я, не зная, как быть: то ли радостно улыбаться, то ли оторопело моргать.

– Ты поступила ровно так, как рекомендуется в «Женщинах, которые слишком сильно любят». То есть никак. Ты просто отстранилась. Мы не решаем за них их проблемы. Мы отстраиваемся.

– Точно, точно, – твердила я, энергично кивая.

– Мы не желаем им зла. Не желаем им добра. Не звоним им. Не встречаемся с ними. Мы просто отстраиваемся. Сын домработницы, подумать только! Если у него есть домработница, почему он все время приезжает к тебе и ты должна мыть посуду?

– Но что, если это и правда был сын домработницы?

– Бриджит, – строго сказала мне Джуд. – А вот это уже называется самовнушение и отказ принять реальность, о чем тебе прекрасно известно.

11.15. Договорилась с Джуд и Шерон встретиться в «192» пообедать. Самовнушением заниматься не буду.

11.16. Да. Я полностью отстранилась. Вот так-то!

11.18. Просто поверить не могу: он так и не позвонил, чтоб его! Как я ненавижу телефон, какую отвратительную роль играет он в отношениях мужчины и женщины в современную эпоху: отсутствие коммуникации становится средством коммуникации! Это ужасно, ужасно: простое «позвонил» или «не позвонил» определяет, пребываешь ли ты в любви, счастье и гармонии или же вновь оказываешься на поле жестоких сражений за любовь, счастье и гармонию, – все та же ты, только еще более несчастная, чем после предыдущей битвы.

Полдень. Поверить не могу. Телефон зазвонил, как раз когда я сидела и пристально на него смотрела: будто силой мысли заставила его ожить. И на сей раз это был Марк.

– Как ты? – устало спросил он.

– Нормально, – ответила я, стараясь быть отстраненной.

– Давай я к тебе заеду, мы где-нибудь пообедаем и поговорим?

– Э-э, я обедаю с подругами. – Эта фраза у меня получилась, как и надо, очень отстраненной.

– Да боже мой!

– Что? Что?

– Бриджит, ты хоть представляешь, что за ночь у меня была? Этот парень пытался удушить свою мать у меня на кухне, здесь была полиция, скорая помощь, в него стреляли транквилизатором, я ездил в больницу, дом был полон рыдающих филиппинцев! Мне очень, правда, очень жаль, что тебе пришлось испытать такое потрясение, но мне-то пришлось не легче, хотя вряд ли я в чем-то виноват!

– Почему ты раньше не звонил?

– Потому что, как только у меня выдавалась свободная минута, чтобы позвонить, твой номер всегда был занят – что по обычному телефону, что по мобильному!

Хм. Отстраниться мне не вполне удалось. Он ведь и правда настрадался. Договорилась с ним поужинать, а днем он решил поспать. Всей душой надеюсь, что в одиночестве.

Воскресенье, 2 февраля

58 кг (отлично: превращаюсь в мальчика-азиата), сигареты: 3 (оч. хор.), калории: 2100 (оч. скромно), романы: снова 1 шт. (ура!), кол-во книг, открыто раскритикованных вновь обретенным мужчиной сердца: 37 (вполнеразумный набор – в наши-то дни!).

22.00. Дома. Все снова наладилось. В начале ужина мы чувствовали себя не очень уверенно, но потом стало лучше, потому что я решила во всем ему поверить – особенно учитывая, что он предложил мне сегодня прийти к нему и своими глазами увидеть домработницу.

Однако позже, когда мы ели шоколадный мусс, он произнес:

– Бридж, вчера, еще до всех событий, у меня возникло чувство, будто между нами что-то не так.

В желудке у меня похолодело. Как интересно, я ведь и сама думала, что между нами что-то не так. Но ведь одно дело, когда ты одна, про себя думаешь, будто с отношениями не все ладно, и совсем другое, если и твоя вторая половина начинает так считать, – то же ощущение, как когда твою маму критикует другой человек. К тому же начинаешь думать, что тебя сейчас бросят, а это помимо боли, чувства утраты и разбитого сердца означает еще и немалое унижение.

– Бридж? Ты что, впала в кому?

– Нет-нет. Почему ты решил, будто что-то не так? – прошептала я.

– Каждый раз, когда я пытался к тебе прикоснуться, ты сжималась, точно я старый развратник противного вида.

Неимоверное облегчение. Все рассказала ему про жуткий футляр, и он очень смеялся. Заказали десертного вина, оба слегка захмелели, поехали ко мне и потрясающе провели время в постели.

Утром, когда мы лежали у камина и читали газеты, я задумалась, стоит ли поднять тему Ребекки и задать вопрос, почему он всегда предпочитает проводить время у меня. Но ведь Джуд говорит, что таких вопросов задавать не стоит, потому как ревность всегда оч. отталкивает представителей противоположного пола.

– Бриджит, – донесся до меня голос Марка, – вид у тебя такой, точно ты в транс впала. Я тебя уже второй раз спрашиваю, что у тебя за новомодный подход к подвешиванию полок. Ты медитируешь? Или же система крепления полок имеет какое-то отношение к буддизму?

– Это все из-за электрического кабеля, – рассеянно ответила я.

– И о чем все эти книги? – Он встал и подошел к полкам. – «Как заводить романы с девушками помоложе. Руководство для мужчин старше тридцати пяти»? «Как строил бы отношения Будда»? «Добейся своего», автор Виктор Кайем?

– Это книги для работы над собой! – воинственно сказала я.

– «Чего хотят мужчины»? «Мужчина, неспособный к серьезным отношениям: как избежать созависимости»? «Отношения с разведенным мужчиной: люби, но не теряй головы»? Да у тебя тут самое полное во всей Вселенной собрание трактатов о поведении противоположного пола! Я начинаю себя чувствовать лабораторной крысой!

– Э-э...

Он с ухмылкой глядел на меня.

– Ты их читаешь комплектами по две? – спросил он, вытаскивая с полки книгу. – Работает сразу в двух направлениях? «Счастлива в одиночестве» вместе с «Как найти идеального спутника жизни за тридцать дней»? «Буддизм для чайников» вместе с «Добейся своего»?

– Нет, – с негодованием ответила я. – Их читают по отдельности.

– Да зачем, скажи на милость, ты все это покупаешь?

– Ну, у меня на этот счет есть теория, – с воодушевлением начала я (потому что у меня действительно на этот счет есть теория). – Если посмотреть на остальные мировые религии в свете...

– Остальные мировые религии? Остальные?

Р-р-р. Иногда мне совсем не нравится, что Марк юрист.

– Ну да, остальные. То есть не эти книги.

– Так и думал, что ты скажешь нечто подобное. Бриджит, книги с советами психологов не являются религией.

– Являются! Это новая форма, форма религии! Человека можно сравнить с потоком воды: когда на его пути появляется препятствие, он бурлит, вспенивается и устремляется в другом направлении, ищет себе другой путь.

– Бурлит и устремляется, Бридж?

– Я хочу сказать, что, если устоявшиеся религии теряют свою силу, люди ищут себе новое руководство к действию. И вообще, как я пыталась уже объяснить, эти книги содержат много идей, общих с принципами других религий.

– Например... – Он поворачивал в воздухе ладонью, призывая меня продолжать.

– Например, с буддизмом и...

– Да нет же. Например, каких идей?

– Ну, – начала я, слегка заволновавшись, потому что теория моя, к сожалению, еще не вполне разработана, – позитивный настрой. В книге «Умное сердце» рассказывается, что самое главное – оптимизм, нацеленность на то, что все будет хорошо. Потом, конечно, вера в себя, о ней говорится в «Силе духа». Если взять христианство...

– Та-а-ак?

– Ну, текст, который священник читает во время бракосочетания, это же абсолютно то же самое. «Да пребудут с вами вера, надежда (надежда!) и любовь». Еще идея о том, чтобы жить сегодняшним днем, – об этом написано в «Неизведанном пути», и то же самое есть в буддизме.

Марк смотрел на меня как на сумасшедшую.

– ...И еще прощение: в книге «Твоя жизнь в твоих руках» говорится, что неприязнь к другим вредит человеку и обязательно надо прощать.

– А это с какой религией общее? Уж не с исламом, наверное. Мне кажется, религия, которая велит отрубать человеку руки за то, что он сдобную булочку украл, мало общего имеет со всепрощением.

Марк глядел на меня и лишь головой качал. Похоже, он не вполне понял мою теорию. Но, быть может, он просто недостаточно развит в духовном отношении, что, кстати, грозит стать еще одной сложностью для нашей пары.

– «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим»!!! – с возмущением воскликнула я.

Тут послышался телефонный звонок.

– Это жаждающие утешения, звонят на командный пункт, – сказал Марк. – Или сам архиепископ Кентерберийский.

Звонила мама.

– Почему ты еще дома? Давай-ка бегом! Вы же с Марком к нам на обед едете.

– Мам. – Я совершенно уверена, что обещания приехать не давала, совершенно уверена.

Марк закатил глаза и включил футбол.

– Право слово, Бриджит. Я испекла три торта со сливками – хотя три не сложнее сделать, чем один, – и за лазанью принимаюсь.

До меня донеслось, как папа говорит: «Не приставай к ней, Пэм», – и она обиженно затараторила о том, что не годится снова замораживать уже размороженное мясо. Потом он взял трубку.

– Не волнуйся, моя хорошая. Ты ведь не обещала ей, что вы приедете. Это она себе в голову вбила. Постараюсь ее утихомирить. А теперь плохие новости: она уезжает в Кению.

Мама выхватила трубку.

– С паспортом все в порядке. Мне сделали чудесную фотографию в свадебном салоне в Кеттеринге, помнишь, куда Урсулу Коллингвуд отправила фотографироваться Карен.

– А фотошоп был?

– Нет! – с негодованием воскликнула она. – Возможно, они просто что-то сделали на компьютере. В общем, в следующую субботу мы с Юной выезжаем. На десять дней. В Африку! Только представь!

– А как же папа?

– Право слово, Бриджит! Надо брать от жизни по максимуму! Если твоему папе нравится жить между гольфом и садовым сараем, это его дело!

Кое-как мне удалось закончить разговор, чему немало поспособствовал Марк, вставший передо мной во весь рост и постучавший рукой по часам. Мы поехали к нему, и теперь я точно ему верю: домохозяйка занималась уборкой на кухне и там же присутствовали пятнадцать членов ее семьи, каждый из которых, похоже, готов был молиться на Марка. Мы остались у него, провели время в спальне при зажженных свечах. Ура! Думаю, все в порядке. Да. Определенно в порядке. Обожаю Марка Дарси. Иногда он меня немного пугает, но в сущности он очень милый и добрый. Это хорошо. Я так думаю.

Особенно учитывая, что до Дня святого Валентина осталось двенадцать дней.

Понедельник, 3 февраля

57,5 кг (оч. хор.), алкоголь: 3 порц., сигареты: 12, время, оставшееся до Дня святого Валентина: 11 дн., время, отданное навязчивым мыслям о том, как неправильно и не по-феминистски предаваться навязчивым мыслям о Дне святого Валентина: приближ. 2 ч 42 мин (плохо).

8.30. Надеюсь, с папой все будет нормально. Раз мама уезжает в субботу, он проведет Валентинов день в одиночестве, а это не очень здорово. Может, послать ему открытку – как будто от таинственной поклонницы?

Интересно, как меня поздравит Марк? Наверняка пришлет мне открытку, это уж по крайней мере.

Точно пришлет.

А может, пригласит на ужин или еще куда. М-м-м-м. Как здорово иметь роман в День святого Валентина. Наконец-то. Ой, телефон.

8.45. Звонил Марк. Завтра он на две недели уезжает в Нью-Йорк. Говорил со мной немного сухо, если честно, и сказал, что сегодня не сможет со мной встретиться, потому что надо заниматься сборами и подготовкой документов для работы.

Я сумела отнестись к этому легко и произнесла только: «Что ж, рада за тебя», – а крик «в пятницу же День святого Валентина! А-а-а-а!» оставила на потом и заорала, лишь когда положила трубку.

Ладно. Пора уже повзрослеть. Главное – наши отношения, а не всякие дурацкие праздники, придуманные из чисто коммерческих соображений.

Вторник, 4 февраля

8.00. В кафе, за чашкой капучино в комплекте с шоколадным круассаном. Получилось! Не позволила себе погрузиться в трясину мрачных мыслей и теперь понимаю: может, оно и неплохо, что Марк должен уехать. Я отпускаю его от себя, даю отпрыгнуть, как марсианскому мячику на резинке, все по «Марсу и Венере». Пусть почувствует притяжение и вернется. К тому же у меня появляется время поработать над собой и заняться своими делами.

Планы на время отсутствия Марка

1. Каждый день ходить в спортзал.
 2. Провести побольше вечеров с Джуд и Шерон.
 3. Продолжить заниматься благоустройством квартиры.
 4. почаще видеться с папой, пока мама в отъезде.
 5. Отдавать много сил работе, чтобы повысить свой статус в компании.
- Ой, ну еще, конечно, сбросить три кило.*

Полдень. На работе. Утро прошло спокойно. Дали задание подобрать материалы по «зеленым» машинам. «„Зеленым" – значит экологичным, Бриджит! – сказал мне Ричард Финч. – Экологичным, а не зеленого цвета!»

Сразу стало понятно, что никаких материалов я не подберу, поэтому смогла спокойно сидеть и думать о Марке Дарси, а также о новой почтовой бумаге с моими инициалами (представляла разные цвета и шрифты), параллельно размышляя, какие бы придумать интересные темы для репортажей, чтобы наконец выбиться в... А-а-а-а!

12.15. Послышался вопль Ричарда Финча, чтоб ему пусто было.

– Бриджит! У нас тут не приют для умалишенных, мать твою. Ты на планерке в телекомпании, так что, будь добра, хотя бы ручку перестать сосать. Ты можешь это сделать?

– Да, – пробурчала я, вынимая ручку изо рта и кладя ее на стол.

– Я не про ручку. Я про то, чтобы найти среднестатистического избирателя, представителя среднего класса, возрастом за пятьдесят, владеющего недвижимостью, который выступает за!

– Конечно, не вопрос, – беспечно ответила я, надеясь, что смогу потом спросить у Пачули, за что именно должен выступать избиратель.

– За что он выступает? – В словах Ричарда Финча чувствовался подвох.

Я с загадочным видом ему улыбнулась.

– По-моему, вы уже сами ответили на свой вопрос. Кто нам нужен, мужчина или женщина?

– И мужчина и женщина, – садистским тоном произнес Ричард. – По одному представителю каждого пола.

– Гетеросексуалы или гомосексуалисты? – Я держала удар.

– Я же сказал, среднестатистические. – Его атака явно захлебнулась. – Давай, живо к телефону и, на будущее, не забывай юбку надевать, ты отвлекаешь сотрудников.

Можно подумать, кто-то обращает на меня внимание, они все только о работе и думают, да и вообще, она не короткая, просто задралась чуть-чуть.

Пачули сказала, что избиратель должен выступать то ли за европейскую, то ли за единую валюту. Она считает, это одно и то же. Черт, черт, черт. Ладно. Ой, телефон. Наверно, пресс-служба Министерства финансов.

12.25. – Привет, доченька!

Р-р-р. Мама.

– У тебя нет такой маечки... знаешь, которая закрывает грудь, но живот и плечи открыты?

– Мам, я же просила тебя не звонить мне на работу, если нет ничего экстренного, – прошипела я.

– Конечно-конечно, просто, видишь ли, нам в субботу выезжать, а в магазинах сейчас ничего летнего не продают.

И тут меня осенило. Объяснить ей, чего я хочу, было не так-то просто.

– Бриджит, – сказала она, когда наконец поняла, о чем я. – Мне вовсе не хочется, чтобы к нам приехали немцы на грузовиках и забрали все золото.

– Мама, но ты же сама говоришь, что от жизни надо брать по максимуму. Разве тебе не интересно попробовать?

Повисло молчание.

– И африканской финансовой системе ты сможешь помочь. – Не уверена, что это утверждение имело под собой какую-то почву; впрочем, не все ли равно.

– Может, оно и так, но у меня нет времени на телевизионные интервью, когда чемоданы собирать надо.

– Слушай, – угрожающе прошептала я. – Тебе маечка нужна или нет?

12.40. Ура! Я нашла не одного и даже не двух, а целых трех среднестатистических избирателей. Юна хочет вместе с мамой порыться в моем гардеробе, потом заскочить в «Диккинс энд Джонс», а Джеффри мечтает оказаться на телевидении. Я суперпрофессионал.

– Ну что, работа кипит? – После обеда к Финчу вернулись наглость и потливость. – Трудимся над собственным проектом создания единой валюты?

– Да нет. – Весь мой вид выражал саму скромность и спокойствие. – Но могу вам представить среднестатистических избирателей. Даже трех, – небрежно добавила я, просматривая свои «заметки».

– А тебя что, еще не предупредили? – спросил он, злобно ухмыльнувшись. – Этот репортаж мы не делаем. Берем предупреждения о терактах. Можешь найти нам парочку представителей среднего класса, консервативного толка, которые ездят из пригородов на работу в Лондон и сочувствуют ИРА?

20.00. Уф. Три часа провела на продуваемом всеми ветрами вокзале Виктория, пытаюсь склонить проходящих мимо пассажиров к поддержке Ирландской республиканской армии. Под конец уже боялась, что кто-нибудь вызовет полицию, меня арестуют и отправят в тюрьму для военных преступников. Вернулась на работу, с беспокойством думая о том, что там нарыли мама с Юной в моем шкафу. Закончилось все мерзкой перебранкой с Финчем, во время которой он то гоготал, то произносил фразочки вроде: «Ты ведь и не собиралась никого искать? Тупица!»

Мне жизненно необходимо найти другую работу. Жизненно необходимо. Ой, ура, телефон.

Звонил Том. Ура! Он вернулся!

– Бриджит! Как ты похудела!

– Да что ты? – обрадовалась я, только потом осознав, что это наблюдение Том высказывает по телефону.

Он пустился в долгие восторженные рассказы про свою поездку в Сан-Франциско.

– Мальчик на таможне попался просто очаровательный. Спрашивает меня: «Вам есть что декларировать?» – а я ему говорю: «Только мой бесстыдный загар!» Он дал мне свой номер, и я занялся с ним сексом в бане!

Очередная вспышка зависти к голубым: как у них все просто с сексом, они занимаются им не откладывая дела в долгий ящик, просто потому что обоим захотелось, никто не думает, что сначала нужно устроить хотя бы три свидания, и не трясется над вопросом, сколько дней после первого раза стоит подождать, прежде чем позвонить.

Том сорок пять минут в захлеб рассказывал о своих похождениях, одно другого краше. А потом произнес:

– Ой, ты знаешь, как я не люблю говорить о себе! Как у тебя-то дела? Как Марк твой поживает, как его крепенькая задница?

Рассказала ему, что Марк в Нью-Йорке, а про Мальчика-Зайчика решила пока не говорить, побоявшись, что Том может перевозбудиться. Решила сконцентрироваться на жалобах по поводу работы.

– Мне нужно найти другое место, здесь от моего самоуважения и чувства собственного достоинства скоро ничего не останется. Мне требуется дело, которое позволит мне по полной использовать свои таланты и способности.

– Хм-м-м. Понимаю тебя. Телом торговать не думала?

– Как смешно.

– Почему бы тебе не попробовать писать статьи помимо твоей основной работы?

Идея просто гениальная. Том сказал, что поговорит со своим приятелем Адамом, который работает в «Индепендент», и предложит ему поручить мне какое-нибудь интервью или рецензию!

Я стану журналистом экстра-класса, постепенно спрос на меня будет все повышаться и повышаться, я буду получать все больше денег и когда-нибудь смогу вообще бросить свою нынешнюю работу и просто сидеть на диване с ноутбуком на коленях! Ура!

Среда, 5 февраля

Позвонила папе узнать, как он поживает, и спросить, не хочет ли он провести со мной День святого Валентина.

– Какая ты у меня заботливая, Бриджит. Но мама настаивает, что я должен расширять свой кругозор.

– И что это означает?

– Я еду в Скарборо играть в гольф с Джеффри.

Слава богу. Хорошо, что настроение у него нормальное.

Четверг, 13 февраля

58,5 кг, алкоголь: 4 порц., сигареты: 19, посещения спортзала: 0, валентинки: 0, кол-во упоминаний о Дне святого Валентина, сделанных Марком Дарси: 0, смысла в Дне святого Валентина, если твой мужчина о нем даже не упоминает: 0.

Сил моих больше нет. Завтра Валентинов день, а Марк о нем словом не обмолвился. Не понимаю, зачем ему все выходные сидеть в Нью-Йорке. Все юридические ведомства закрыты.

Что реализовано за время отсутствия Марка

Кол-во посещений спортзала: 0. Кол-во вечеров, проведенных с Джуд и Шерон: 6 (и завтра будет еще один, все к тому идет).

Время, проведенное с папой: 0 мин. Время, затраченное на разговоры с папой о его душевном состоянии: 0 мин. Время, затраченное на разговоры с папой об игре в гольф (под крики Джефффри на заднем плане): 4 ч 47 мин. Кол-во написанных статей: 0. Сброшенный вес: 0 г. Набранный вес: 1 кг.

Я-то Марку подарок на День святого Валентина уже отправила. Шоколадное сердечко. Послала в отель, еще до его отъезда, с пометкой «Открыть 14 февраля, и не раньше». Думаю, он догадается, что это от меня.

Пятница, 14 февраля

59 кг, посещения спортзала: 0, валентинки: 0, цветы, безделушки, прочие подарки на День святого Валентина: 0, смысла в Дне святого Валентина: 0, разницы между Днем святого Валентина и любым другим днем: 0, смысл жизни: не ясен, опасность душевного срыва в связи с катастрофическим провалом Дня святого Валентина: незначительная.

8.00. И не собираюсь переживать о такой ерунде, как День святого Валентина. В жизни так много вещей куда более серьезных, чем этот «праздник».

8.20. Пойду вниз, гляну, пришла ли почта.

8.22. Почта не пришла.

8.27. Так и не пришла.

8.30. Почту принесли! Ура!

8.35. Письмо из банка. От Марка ничего. Ничего, ничего, ничего, ничего, ничего. Ничего.

8.40. Поверить не могу, что я снова провожу Валентинов день в одиночестве. Хуже всего было два года назад, когда мы с Джуд и Шерон поехали в Гамбию и нам пришлось вылететь в День святого Валентина, потому что на следующий день рейсов не было. Спустившись к ужину, мы обнаружили, что все вокруг украшено сердечками, за столами сидят парочки и держатся за руки. Пришлось провести весь вечер за чтением «Как научиться любить себя».

Мне оч. грустно. Не мог же он забыть. Значит, ему наплевать. Значит, я «девушка на время». Ведь, как говорится в «Марсе и Венере», если ты что-то значишь для мужчины, он дарит тебе подарки: белье, там, или украшения, но только не книги и не пылесосы. Может, он таким способом хочет мне сообщить, что все между нами кончено, а по возвращении скажет это напрямую?

8.43. Может, Джуд и Шерон были правы и я должна была с ним покончить, как только получила предупредительные сигналы? Вот, например, с Дэниелом в прошлом году: если бы, когда он отменил наше первое свидание, придумав совершенно никудышное оправдание, я сразу все прекратила и отстранилась, а не стала заниматься самовнушением, дело не дошло бы до обнаружения голый женщины в шезлонге у него на крыше.

Планида у меня такая. Обязательно нахожу кого-нибудь голого в доме у своих мужчин. Планида, одно слово.

8.45. О господи. У меня превышение кредитного лимита на двести фунтов. Как это случилось? Как? Как? Как?

8.50. Ха-ха. Нет худа без добра. Нашла выписанный мною чек на сто сорок девять фунтов, совершенно его не помню. Почти не сомневаюсь: это я оплачивала услуги химчистки и имела в виду четырнадцать фунтов девяносто пенсов.

9.00. Позвонила в банк узнать, кому предназначался чек, и оказалось, что какому-то «месье С. Ф. С.». Химчистки – притоны мошенников. Позвоню Джуд, Шерон, Ребекке, Тому и Саймону и скажу никогда больше не пользоваться услугами химчисток «Дурклин».

9.30. Ха. Сходила в «Дурклин» узнать, что это за «месье С. Ф. С.», под видом, что хочу сдать в чистку черную шелковую ночную сорочку. Не могла не заметить про себя, что сотрудники химчистки куда больше походят на индийцев, чем на французов. Может, правда, они индо-французы.

– Скажите, пожалуйста, как вас зовут? – обратилась я к мужчине, принимавшему у меня сорочку.

– Салвани, – улыбаясь до подозрительного приветливо, ответил он.

Ага, первая буква «С»!

– А вас как? – спросил он.

– Бриджит.

– Бриджит. Напишите, пожалуйста, вот здесь ваш адрес, Бриджит.

Все это было очень подозрительно. Решила на всякий случай дать адрес Марка Дарси, ведь у него там домработницы и сигнализация.

– Вы знакомы с месье С. Ф. С.? – поинтересовалась я, и мужчина поглядел на меня прямо-таки игриво.

– Нет, но, мне кажется, ваше лицо мне знакомо, – ответил он.

– Вы думаете, я не понимаю, что происходит? – воскликнула я и опрометью вылетела из химчистки. Вот так. Беру все под свой контроль.

22.00. Поверить не могу. В половине одиннадцатого в офис пришел молодой человек с огромным букетом красных роз и поставил их на мой стол. На мой стол! Видели бы вы лица Пачули и Гарольда-ехидны. Даже Ричард Финч обалдел и не сумел сказать ничего, кроме жалкого: «Сама себе отправила, да?»

В прикрепленной к букету открытке говорилось вот что:

«С Днем святого Валентина, о свет моей безотрадной старости! Завтра в восемь тридцать утра приезжай в Хитроу, терминал 1, и на стойке «Бритиш эруэйз» получи билет (код P23/R55). Тебя ждет путешествие-сюрприз. Вернешься домой в понедельник до работы. Буду ждать тебя в пункте назначения.

(Одолжи у кого-нибудь лыжный костюм и возьми подходящую обувь.)»

Поверить не могу. Просто не могу поверить. В честь Дня святого Валентина Марк приглашает меня на лыжный курорт! Это чудо. Ура! Как романтично: деревенька в горах, точно сошедшая с рождественской открытки, мерцающие огоньки и т. п., мы скользим по склонам рука об руку – красотища!

Как я корю себя за то, что погрузилась в трясину мрачных мыслей. Но такое со всяким может случиться. Определенно.

Я позвонила Джуд, и она даст мне лыжную экипировку: черный комбинезон, похожий на костюм Женщины-кошки в исполнении Мишель Пфайффер. Единственная незадача: я каталась на лыжах только один раз, в школе, и в первый же день получила растяжение. А, не страшно. Не сомневаюсь, научиться будет просто.

Суббота, 15 февраля

80 кг – ощущение такое (я огромный шар, заполненный фондю, сосисками, горячим шоколадом и т. д.), граппа: 5 рюм., сигареты: 32, горячий шоколад: 6 чаш., калории: 8257, ноги: 3 шт., кол-во рискованных ситуаций, чреватых летальным исходом: 8.

13.00. На краю пропасти. Поверить не могу, что со мной творится. Оказавшись на вершине горы, я ощутила просто парализовавший меня страх. Поэтому сказала Марку, чтобы он ехал, а сама стала надевать лыжи, глядя, как он несется вниз по склону: шух, шух, шух, – будто крылатая ракета. Я, конечно, оч. ему благодарна за то, что он устроил мне катание на лыжах, но знать бы, какой это кошмар: тащишься на полусогнутых вверх в гору, на лязгающей штукоевине, мимо огромных бетонных сооружений с решетками и цепями, как в концлагере какомто, на ногах будто гипсовые повязки, а громоздкие лыжи все время норовят разъехаться в стороны. Потом тебя проталкивает автоматический турникет, словно ты овца, которую гонят на водопой. А ведь можно было преспокойно нежиться в уютной постели. Что хуже всего, волосы на такой высоте у меня совершенно очумели: на голове точно рога и шипы, – а костюм Женщины-кошки шит на худую высокую девушку вроде Джуд, так что выгляжу я как пугало или участница комического представления. К тому же вокруг со свистом проносятся трехлетние дети. Катаются без палок, на одной ноге, исполняют кувырки и т. д.

Горнолыжный спорт – оч. опасная штука, тут двух мнений быть не может. Тебя может парализовать страх, может накрыть снежная лавина и т. д. и т. п. Шерон рассказывала, что один ее приятель как-то поехал кататься на лыжах по экстремальной трассе и на старте настолько перепугался, что обслуживающему персоналу пришлось уносить его вниз на носилках, а по дороге его еще и уронили!

14.30. Кафе в горах. Марк подъехал ко мне («шух, шух, шух!») и спросил, готова ли я к спуску.

Шепотом объяснила ему, что совершила ошибку, приняв решение кататься, потому что горнолыжный спорт оч. опасен – даже медицинская страховка не спасет. Одно дело – стать жертвой несчастного случая, который ты не мог предвидеть, и совсем другое – сознательно ставить себя под угрозу, играть в игры со смертью, рисковать себя покалечить (например, прыгать с тарзанки, покорять Эверест, участвовать в жутких забавах, когда тебе на голову ставят яблоко и стреляют в него).

Марк спокойно и внимательно меня выслушал.

– Я тебя понимаю, Бриджит, – произнес он. – Но это же склон для детей. Он почти горизонтальный.

Сказала Марку, что хочу спуститься на подъемнике, но Марк ответил, что он бугельный и вниз не возит. Сорок пять минут спустя Марк помог мне все-таки съехать, подтолкнув в спину, а потом кинулся вперед, чтобы поймать меня. Доехав донизу, я почувствовала в себе силы поднять вопрос о том, чтобы сесть на фуникулер и отправиться назад в деревню: передохнуть и выпить капучино.

– Бриджит, – сказал Марк. – Лыжи – это как и все в жизни. Главное – уверенность в себе. Пойдем, мне кажется, тебе не помешает рюмка граппы.

14.45. М-м-м. Граппа восхитительна.

15.00. Граппа – просто отличный напиток. Марк прав. У меня вполне может получиться профессионально ездить на лыжах. Только надо почувствовать эту чертову уверенность.

15.15. *На вершине склона для детей.* Бже. Этсвсем прсто. Пшла. У-у-ух!

16.00. У меня все чудесно, я прекрасная лыжница! Только что съехала вместе с Марком: шух, шух, шух! Виляю телом с полным знанием дела, словно инстинкт подсказывает, как именно надо двигаться. Дикий восторг! В меня будто вдохнули новую жизнь. Я просто спортсменка, как принцесса Анна! Сколько во мне энергии, какой позитивный настрой! Ура! Вперед с уверенностью! Граппа! Ура!

17.00. Пошли передохнуть в кафе, и там вдруг Марк натолкнулся на целую толпу народа юридическо-банковского вида, в которой оказалась высокая худая блондинка, стоявшая вполоборота ко мне. На ней был белый лыжный костюм, пушистые наушники и темные очки от «Версаче». Она заливалась смехом. Потом, точно в замедленной съемке, она откинула с лица волосы и, когда они мягкой волной вернулись назад, я поняла, что узнала этот смех. Она повернулась к нам. Это была Ребекка.

– Бриджит! – звонко воскликнула она, целуя меня. – Красавица! Как я рада тебя видеть! Какое совпадение!

Я глянула на Марка. Он стоял с недоуменным видом, проводя рукой по волосам.

– Кхм, это, по-моему, не совсем совпадение, – смущенно пробормотал он. – Это же ты предложила мне поехать сюда с Бриджит. Разумеется, я бесконечно рад всех вас тут встретить, но я понятия не имел, что вы тоже здесь будете.

Хорошо в Марке то, что я всегда ему верю. Но почему она предложила ему сюда поехать? И когда?

Ребекка на мгновение показалась взволнованной, но потом улыбнулась обворожительной улыбкой.

– Я тоже понятия не имела. Но наш разговор заставил меня вспомнить, как в Куршевеле чудесно, к тому же все ребята собрались ехать, поэтому я... Ой!

Она потеряла равновесие (в самый подходящий момент), и один из поклонников тут же ее подхватил.

– Хм-м-м, – сказал Марк. Вид у него был совсем не радостный.

Я стояла опустив голову и пыталась понять, что же такое происходит.

Когда сил изображать, будто все нормально, у меня не осталось, я шепнула Марку, что хочу еще раз скатиться с детского склона. Добралась до очереди к подъемнику куда ловчее обычного, очень довольная, что скрылась от всей этой истории. Первые пару шестов пропустила, т. к. не сумела нормально ухватиться, но на следующем поехала.

И тут все пошло вопреки ожиданию: совершенно не получалось скользить, – как будто еду по ухабам или вообще бегу спотыкаясь. Вдруг заметила, что мне машет какой-то мальчик и что-то кричит на французском. Глянула в сторону кафе и с ужасом обнаружила, что на террасе стоит вся толпа Марковых знакомых и они тоже мне машут и что-то кричат. Да в чем дело? Потом увидела, что со стороны кафе ко мне с ошалелым видом бежит Марк.

– Бриджит! – завопил он, как только подбежал достаточно близко, чтобы я могла услышать. – Ты забыла лыжи надеть!

– Вот идиотка, – хохотнул Найджел, когда мы вернулись в кафе. – Такой глупости в жизни не видал.

– Хочешь, я с ней побуду? – спросила Марка Ребекка, всем своим видом выражая обеспокоенность – точно я дитя малое, от которого одни беды. – А ты до ужина покатаешься, где тебе нравится.

– Нет-нет, не стоит, все в порядке, – ответил он, хотя по лицу его было видно, что он хотел бы покататься.

И мне тоже хотелось, чтобы он покатался, ведь он так любит лыжи. Но допустить, чтобы чертова Ребекка со мной осталась и учила меня лыжным премудростям, я не могла.

– Думаю, мне лучше немного отдохнуть, – проговорила я. – Выпью чашечку горячего шоколада и приду в себя.

Ужасно приятно было сидеть в кафе и пить горячий шоколад из огромной чашки, к тому же это отвлекало меня от наблюдений за Марком и Ребеккой, вместе поднимающимися вверх на подъемнике. Я видела, какая она довольная и как со смехом касается его руки.

Потом я увидела их снова: они со свистом пронеслись по склону, он в черном, она в белом, точно парочка с рекламной фотографии элитного горнолыжного курорта – фотографии, которая сообщает не только о наличии восьми спусков высокой сложности, четырехсот подъемников и полупансиона, но также о том, что ты сможешь заняться таким же потрясающим сексом, какому сейчас предадутся эти двое.

– У-ух, здорово, правда? – сказала Ребекка, поднимая очки на лоб и со смехом заглядывая Марку в лицо. – Слушайте, вы не хотели бы сегодня с нами поужинать? У нас будет фондю в горах, а потом мы поедем назад на лыжах при свете факелов. Ой, Бридж, извини. Ты можешь съехать на фуникулере.

– Нет, – отрывисто проговорил Марк. – Мы не отметили вчера День святого Валентина, поэтому я веду Бриджит ужинать сегодня.

Что удобно в Ребекке – она всегда на долю секунды выдает свои чувства и имеет совершенно пришибленный вид.

– Хорошо-хорошо, как хотите, приятно вам провести время, – отступила она, сверкнув ослепительной улыбкой, точно из рекламы зубной пасты, потом снова надела очки и эффектно заскользила на лыжах вниз к городку.

– Где ты с ней встречался? – не удержалась я от вопроса. – Когда она предложила тебе поехать сюда?

Он нахмурился.

– Она тоже была в Нью-Йорке.

Я покачнулась и выронила лыжную палку. Марк рассмеялся, поднял ее и крепко меня обнял.

– Не пугайся так, – сказал он, касаясь губами моей щеки. – Она была там с толпой друзей, я с ней поговорил всего раз, да и то минут десять. Упомянул, что хочу чем-нибудь тебя порадовать, потому что пропустил Валентинов день, и она посоветовала поехать сюда.

Из груди моей вырвался неясный тихий звук.

– Бриджит, – произнес он. – Я люблю тебя.

Воскресенье, 16 февраля

Вес: неважно (да и взвеситься негде), кол-во мысленных прокручиваний услышанной вчера фразы со словом на букву «Л»: запредельное, не поддающееся передаче число.

Я так счастлива. У меня нет злобы к Ребекке, я великодушна и все прощаю. Она вполне приятное гадкое насекомое (= мымра). Мы с Марком очень мило поужинали, много смеялись и шутили, говорили о том, как сильно друг без друга скучали. Я вручила ему подарок: брелок с эмблемой клуба «Ньюкасл юнайтед» и трусы с такой же эмблемой. Подарок ему явно очень понравился. Он же вручил мне красную шелковую ночную рубашку, которая оказалась чуть-чуть коротковата, но его это, похоже, не смутило, даже напротив, если честно. Еще он рассказал мне про работу, которой занимался в Нью-Йорке, и я обо всем высказала свои суждения, которые он охарактеризовал как весьма полезные и нестандартные!

P. S. Этого никто не должен прочитать. Постыдный факт. Я была в таком восторге, что он сказал мне слово на букву «Л», да еще на такой ранней стадии взаимоотношений, что не удержалась и позвонила Джуд и Шерон, оставила им сообщения. Теперь понимаю, как это глупо и по-детски.

Понедельник, 17 февраля

60 кг (а-а-а! а-а-а-а! чертов шоколад), алкоголь: 4 порц. (включая те, что выпиты в самолете, так что оч. хор.), сигареты: 12, кол-во отвратительных неокOLONиалистских актов, совершенных родной матерью: 1, но зато какой.

Выходные прошли великолепно, если не считать неприятностей с Ребеккой, но сегодня утром в Хитроу я испытала тяжелейшее потрясение. Мы стояли в зале прибытий и искали глазами стойку, где можно заказать такси, как вдруг я услышала голос:

– Доченька! Не стоило приезжать меня встречать! Джеффри с папой ждут нас снаружи. Мы заглянули сюда купить папе подарок. Иди познакомься с Веллингтоном!

Передо мной стояла мама, от загара принявшая ярко-оранжевый оттенок. На голове у нее были косички с бусинами, а одета она была во что-то броско-африканское, наподобие нарядов жены Нельсона Манделы.

– Ты, конечно, думаешь, он из племени масаи, но он кикуйю. Кикуйю! Подумать только!

Я проследила за ее взглядом и увидела Юну Олконбери, тоже выделяющуюся оранжевым загаром и наряженную в африканское одеяние. Правда, на носу у нее были ее всегдашние очки, а в руках зеленая кожаная сумка с большим позолоченным замком. Юна с кошельком в руках стояла у прилавка небольшого магазинчика и с восторгом взирала на габаритного чернокожего парня с отвислыми мочками, в одну из которых была вставлена кассета для фотопленки. Одет он был в ярко-голубую клетчатую хламиду.

– Акуна матата! Ни о чем не волнуйся! Суахили. Правда, здорово? Мы с Юной чудесно провели время, и Веллингтон приехал к нам погостить! Приветствую, Марк, – между делом произнесла она, обратив наконец внимание на его присутствие. – Давай, доченька, скажи Веллингтону «джамбо»!

– Прекрати, мама. Прекрати, – сквозь зубы прошипела я, нервно оглядываясь по сторонам. – Нельзя приглашать к себе погостить представителя африканского племени. Это отдает неокOLONиализмом. И папа только-только пришел в себя после истории с Жулиу.

– Веллингтон не представитель племени, – строго заметила мама, вытянувшись во весь рост, – или, по крайней мере, он достойный представитель племени! Он живет в хижине из навоза! И он сам захотел приехать! Он хочет поездить по миру, так же как мы с Юной!

В такси по дороге домой Марк был неразговорчив. Вот мама, черт ее дери. Как бы мне хотелось иметь обычную среднестатистическую маму, у которой седые волосы и которая готовит вкусное печенье.

Так, позвоню-ка папе.

21.00. Папа оказался в самом угнетенном расположении духа. Голос у него звучал очень подавленно.

– Как ты? – отважилась спросить его я, когда возбужденно тараторящая мама наконец отошла от телефона и он взял трубку.

– О, все нормально, все нормально. В саду африканские партизаны, ростки примулы скоро появятся. У тебя как дела, все в порядке?

О господи. Хватит ли у него сил пережить еще одну волну маминого безумия? Попросила его звонить мне в любое время, но, когда он в таком раздрызге, дело плохо.

Вторник, 18 февраля

60 кг (это уже настоящее ЧП), сигареты: 13, мазохистские фантазии о том, что Марк влюблен в Ребекку: 42.

19.00. В смятении. Провела кошмарный день на работе, как ошпаренная принеслась домой (Шерон ни с того ни с сего решила, что она любит футбол, поэтому мы с Джуд идем сегодня к ней – посмотреть, как немцы разносят то ли турок, то ли бельгийцев, то ли кого-то там еще). Дома меня ждали два сообщения, оба не от папы.

Первое было от Тома, который сказал, что его приятель Адам из «Индепендент» готов дать мне попробовать свои силы и взять у кого-нибудь интервью, при условии, что я сама найду для этой цели очень известного человека и не буду требовать за это платы.

Надеюсь, в газетах это не постоянная практика. Как они там все выплачивают ипотеку и лечатся от алкоголизма?

Второе было от Марка. Он сказал, что сегодня проводит вечер с индонезийцами и Международной амнистией и поэтому хотел бы позвонить мне, когда я буду у Шерон, чтобы узнать результаты матча. Помолчав немного, он добавил:

– И еще... э-э... Ребекка приглашает нас и всю свою компашку провести следующие выходные в доме ее родителей в Глостершире. Ты хотела бы поехать? Я тебе перезвоню.

Хотела бы я поехать? Уж скорее я бы захотела просидеть все выходные в норе в саду своих мамы и папы с «компашкой» червяков, чем ехать к Ребекке и смотреть, как она заигрывает с Марком. Раз она решила нас позвать, то почему позвонила ему, а не мне?

Это упомяноз. Упомяноз в чистом виде. Двух мнений быть не может. Телефон. Наверняка Марк. Что мне ему сказать?

– Бриджит, возьми трубку, положи, положи на место. НА МЕСТО!

– Магда? – с недоумением произнесла я, подойдя к телефону.

– Бриджит! Привет! Как лыжи?

– Прекрасно, но вот только... – рассказала ей все про Ребекку, Нью-Йорк и выходные. – Не знаю, стоит мне ехать или нет.

– Конечно, надо ехать, Бридж, – ответила мне Магда. – Если бы Марк хотел отношений с Ребеккой, его девушкой была бы Ребекка, так что... слезай, сейчас же слезай, слезай, я тебе говорю. Гарри, если ты не слезешь со спинки стула, я тебя отшлепаю. Вы с ней совершенно разные.

– Хм-м-м. Мне кажется, Джуд и Шерон сказали бы, что...

Тут трубку у Магды выхватил Джереми.

– Слушай, Бридж, советоваться с Джуд и Шерон по поводу отношений с мужчинами – все равно что идти к диетологу, который весит сто пятьдесят кило.

– Джереми! – закричала Магда. – Не обращай на него внимания, Бридж. Он тебя просто дразнит. У каждой женщины свой неповторимый дух. Марк выбрал тебя. Поэтому поезжай смело, держись уверенно, покажи себя во всей красе, а за ней просто приглядывай. Не-е-ет! Только не на полу!

Она права. Буду уверенной в себе, самодостаточной женщиной, от которой исходит неповторимый дух. Ура! Сейчас позвоню папе и пойду к Шерон на футбол.

Полночь. Дома. Выйдя на пробирающий до костей мороз, уверенная в себе женщина преисполнилась вдруг совершеннейшей неуверенности. Пришлось идти мимо рабочих, которые при свете ярких ламп ремонтировали газовую трубу. На мне были сапожки и оч. короткое пальто, так что я приготовилась услышать непристойный посвист и пошловатые фразочки в

свой адрес. А потом почувствовала себя полной дурой, потому что ни свиста, ни фразочек не последовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.